

Эрнест Хемингуэй Опасное лето

Странно было снова ехать в Испанию. Я не надеялся, что меня когда-нибудь пустят опять в эту страну, которую после родины я люблю больше всех стран на свете, да я бы и сам не поехал, пока хоть один из моих испанских друзей еще сидел в тюрьме. Но весной 1953 года, когда мы собрались в Африку, у меня возникла мысль заехать в Испанию по дороге; я посоветовался на Кубе с несколькими приятелями, сражавшимися в гражданскую войну в Испании на той и на другой стороне, и было решено, что я с честью могу вернуться в Испанию, если, не отрекаясь от того, что мною написано, буду помалкивать насчет политики. О визе вопрос не вставал. Американским туристам теперь виза не требуется.

В 1953 году никто из моих друзей уже не находился в тюрьме, и я строил планы, как я повезу Мэри, мою жену, на ферию в Памплону, а оттуда мы поедem в Мадрид, чтобы побывать в музее Прадо, а потом, если нас к этому времени не посадят, еще посмотрим в Валенсии бой быков, прежде чем отплыть к берегам Африки. Я знал, что Мэри ничего не угрожает, так как она раньше в Испании не бывала, а все ее знакомые принадлежат к избранному кругу. В случае чего они сразу же поспешат к ней на выручку.

Не задерживаясь в Париже, мы быстро пересекли Францию и через Шартр, долину Луары и Бордо доехали до Биаррица, где кое-кто из знакомых, принадлежащих к избранному кругу, ожидал нас, чтобы вместе с нами пересечь границу. Мы обстоятельно закусили и выпили и условились в определенный час встретиться в отеле в Андае и вместе ехать дальше. Один из наших знакомых запасся письмом от герцога Мигеля Примо де Ривера, испанского посла в Лондоне, которое своей волшебной силой якобы могло выволить нас из любой беды. Узнав об этом, я несколько приободрился.

Было мрачно и шел дождь, когда мы добрались до отеля в Андае, мрачно и пасмурно было и на другое утро, и низко нависшие тучи скрывали от глаз испанские горы. Знакомые наши в назначенное время не явились. Я подождал час, потом еще полчаса. Потом мы двинулись к границе.

Пограничный пост тоже выглядел довольно мрачно. Я предъявил наши паспорта, и полицейский инспектор долго изучал мой паспорт, не глядя на меня. Обычная испанская манера, но от этого не легче.

– Вы не родственник писателю Хемингуэю? – спросил инспектор, по-прежнему не глядя на меня.

– Из той же семьи, – ответил я.

Он перелистал паспорт, потом всмотрелся в фотографию.

– Вы Хемингуэй?

Я подтянулся почти по-военному и сказал: «A sus ordenes», – что по-испански значит «слушаюсь!», и «к вашим услугам!». Мне случалось слышать и видеть, как эти слова произносились при самых различных обстоятельствах, и, надеюсь, я сумел произнести их и оттенить голосом как нужно.

Во всяком случае, инспектор встал, протянул руку и сказал:

– Я читал все ваши книги, и они мне очень нравятся. Сейчас я поставлю штамп на ваших документах и, если понадобится, помогу вам на таможне.

Так я снова попал в Испанию, и мне даже не верилось, что это правда, и при каждой новой проверке документов – а их еще в трех местах проверяли, пока мы ехали вдоль реки Бидассоа, – я ждал, что вот сейчас нас задержат или отправят обратно. Но каждый раз полицейский, внимательно и учтиво просмотрев наши паспорта, махал рукой в знак того, что можно ехать. Нас было четверо – чета американцев, жизнерадостный итальянец из Венеции и шофер, тоже итальянец, из Удине, – и направлялись мы в Памплону на праздник святого Фермина. Джанфранко, наш итальянский спутник, бывший роммелевский офицер, одно

время работал на Кубе и жил у нас в качестве близкого и любимого друга. Он нас встретил с машиной в Гавре. Шофер Адамо мечтал со временем открыть похоронное бюро. Впоследствии он осуществил эту мечту, так что, если вам доведется умереть в Удине, вы станете его клиентом. Никто никогда не спрашивал его, на чьей стороне он сражался в гражданскую войну в Испании. Для своего душевного спокойствия я тешил себя надеждой, что и на той и на другой. Учитывая поистине леонардовскую многогранность, обнаружившуюся в нем при более близком знакомстве, можно считать это вполне вероятным. На одной стороне он мог драться за свои убеждения, на другой – за свою родину или за город Удине, а если бы существовала еще третья сторона, нашлось бы, за что драться и на третьей: за господина бога, или за фирму «Ланчия», или за торговлю похоронными принадлежностями – ведь все это в равной мере было дорого его сердцу. И мы были дороги его сердцу, а также вся женская половина рода человеческого. Если хоть одна десятая часть его подвигов не являлась вымыслом, Казанова по сравнению с Адамо не более как итальянский Генри Джеймс, а Дон-Жуан просто ничего не стоит. Если вы, как я, любите путешествовать весело, путешествуйте с итальянцами. Нельзя было подобрать лучших спутников, чем те двое, что вместе с нами сидели в отличной, выносливой «ланчии», бодро поднимавшейся в гору по обсаженной каштанами дороге, оставив внизу зеленую долину Бидассоа; а пока длился подъем, туман вокруг постепенно редел, и я знал, что за Коль-де-Велате, когда мы выедем на горное плато Наварры, нас ожидает ясное, безоблачное небо.

Эта книга задумана как рассказ о бое быков, но в то время я относился к бою быков довольно равнодушно, мне просто хотелось, чтобы Мэри и Джанфранко увидели это зрелище. Мэри ездила смотреть Манолето, когда он последний раз выступал в Мексике. Погода в тот день была ветреная, быки никуда не годились, но Мэри понравилось, и я понял, что, если такая убогая коррида произвела на нее впечатление, значит, из нее выйдет настоящая любительница боя быков. Говорят, кто может прожить без боя быков год, тот и всю жизнь без него обойдется. Это не совсем верно, но доля истины тут есть, а я четырнадцать лет не видел боя быков, если не считать корриды в Мексике. Правда, для меня эти годы во многом были похожи на тюремное заключение, только не внутри тюрьмы, а снаружи.

Я читал и слышал от верных людей о недостойных уловках, которые вошли в практику при Манолето и потом укоренились. Чтобы уменьшить риск для матадора, быку спиливают кончики рогов, а затем остругивают и обтачивают для придания им естественного вида. Такие подпиленные рога чувствительны, как пальцы, на которых ногти срезаны до живого мяса, и если хоть раз заставить быка ткнуться ими в барьер, он испытает такую боль, что потом будет избегать любых ударов рогами. То же самое случится, если он боднет плотный, негнувшийся брезент попоны, которая служит броней лошадям.

Кроме того, когда рога у быка укорочены, он теряет чувство расстояния, и матадору легче увертываться от него. На скотоводческой ферме быки постоянно дерутся между собой, и в этих подчас кровопролитных драках учатся действовать рогами, так что чем бык старше, тем больше у него опыта и умения. И вот антрепренеры, у которых всегда, кроме матадоров-звезд, есть еще целый штат матадоров помельче, добиваются от скотоводов выращивания так называемых «полубыков» – медиоторо. Медиоторо – это бычок не старше трех лет, еще не научившийся хорошо действовать рогами. Пастбище для него выбирается поближе к воде, чтобы ему не приходилось много ходить и чтобы ноги у него не слишком окрепли. Кормят его зерном, от чего он быстро достигает требуемого веса и на вид ничем не отличается от взрослого быка. Но на самом деле это всего лишь полубык, лишенный настоящей силы, и матадор, которому не так уж трудно справиться с ним, должен даже беречь его, чтобы он не изнемог раньше времени.

Но и подпиленным рогом бык может нанести человеку смертельное увечье. Немало матадоров получило тяжелые раны в боях с быками, у которых рога были укорочены. И все же работать с такими быками в десять раз безопаснее, а убивать их в десять раз легче.

Рядовой зритель ничего не заметит, он в рогах не разбирается и не обратит внимания на шершавую беловатость оструганного места. Он видит блестящие черные кончики рогов и не догадывается, что эта чернота и блеск искусственного происхождения. С помощью машинной смазки можно так обработать оструганный рог, что он будет блестеть не хуже старого сапога, начищенного седельной мазью; но опытный взгляд сразу обнаружит обман, как наметанный глаз ювелира обнаруживает изъян в бриллианте, – только с гораздо большего расстояния.

Во времена Манолето, да и позднее существовали бесчестные антрепренеры, которые в то же время являлись подрядчиками или же были связаны с подрядчиками и со скотоводами, поставлявшими быков. Идеальным быком для своих матадоров они считали медиоторо, и многие скотоводы специально выращивали для них таких полубыков в большом количестве. Раскормленный зерном бык кажется крупней, чем он есть, но на самом деле это просто молодой бычок, которого легко раздражить и легко заставить слушаться. О рогах беспокоиться нечего. Рога можно укоротить, а потом ошеломлять публику чудесами, которые проделывает с таким быком матадор: вот он ждет его, стоя к нему спиной; вот пропускает у себя под рукою, глядя не на него, а на зрителей; вот становится на одно колено перед разъяренным животным и, приложив левый локоть к уху быка, словно бы говорит с ним по телефону; вот гладит его рог или, отбросив мулету и шпагу, обводит публику взором ярмарочного комедианта, а бык, одуревший, истекающий кровью, стоит перед ним, точно зачарованный, – и публика дивится на весь этот балаган, веря, что происходит возрождение золотого века тавромахии.

Итак, по разным причинам, прежде всего потому, что возраст болельщика для меня миновал, я почти остыл к бою быков; но за это время появилось новое поколение матадоров, и мне захотелось их посмотреть. Когда-то я знал их отцов, многие были моими друзьями, но одни умерли, другие ушли с арены, уступив чувству страха или из-за чего-нибудь другого, и я дал себе слово больше не заводить друзей матадоров: слишком сильно я страдал за них и вместе с ними, когда от страха или от неуверенности, которую рождает страх, они не могли справиться с быком. Я сам испытывал этот смертный страх, когда на арене был кто-нибудь из моих друзей, а так как мне за это не платили и помочь другу я ничем не мог, я решил, что глупо мучать себя подобным образом, да еще за свои деньги. Потом, в силу разных событий и обстоятельств и благодаря тому, что время нас учит многое видеть яснее, я почти избавился от этого страха, разрешив проблему лично для себя. Я даже умею передавать и другим – вообще или в особо напряженные минуты – эту способность без страха и даже без уважения относиться к опасности. Такой дар – счастье или несчастье для человека, смотря по тому, как его ценить и как им пользоваться. Я стараюсь не злоупотреблять этим даром и хорошо знаю, что утрачу его, как только ко мне самому вернется чувство страха. А оно может вернуться в любой день – все ведь на свете непрочно. Для меня лично самое прочное – это знание. Но нужно высказать то, что знаешь, и тут никто тебе помочь не может.

В тот раз, в 1953 году, мы поселились за городом, в Лекумберри, и каждое утро ездили за двадцать пять миль в Памплону, с таким расчетом, чтобы быть на месте к семи часам, когда быки побегут по улицам. Женщинам тяжело вставать так рано, и потому жить в Лекумберри неудобно, хотя там есть хороший отель с очень милыми хозяевами, а дорога до Памплонны – одна из самых живописных в Наварре, особенно средняя ее часть, совершенно прямая; когда несешься по ней в быстроходной машине, испытываешь наслаждение полета.

В отеле в Лекумберри мы застали своих знакомых. Какие-то причины помешали им встретиться с нами в Андайе в условленное время; поскольку в конце концов все уладилось, я не стал вникать в эти причины, и сумасшедшая неделя фиесты пошла своим чередом. К концу этой недели все мы уже прекрасно друг друга знали, и все или почти все друг друга любили, а это значит, что фиеста прошла удачно. В первый день сверкающий «роллс-ройс» графа Дэдди казался мне чуть-чуть претенциозным. В последний день я был от него в восторге. Так все складывалось в том году.

Джанфранко пристал к развеселой компании, состоявшей из чистильщиков сапог и

начинающих карманников, и его постель в Лекумберри по большей части пустовала. Он стяжал хоть скромную, но все же славу тем, что расположился на ночлег в загороженном проходе, через который быки попадают в цирк, чтобы утром не проспать и не пропустить енсието, как с ним уже однажды случилось. Он не пропустил. Быки пробежали прямо над ним. Вся его компания страшно гордилась этим.

Адамо исправно являлся в цирк каждое утро. Он хотел, чтобы ему разрешили убить хоть одного быка, но администрация не пошла навстречу его желанию.

Погода стояла ужасная, Мэри, промокнув до костей, схватила сильную простуду, и температура у нее держалась до самого Мадрида. Бой быков проходил так неинтересно, что не стоило бы о нем и говорить, если б не одно знаменательное обстоятельство. Именно тогда мы впервые увидели Антонио Ордоньеса.

Мне стало ясно, что это великий матадор, едва только он сделал первое китэ. Словно все великие мастера этого приема (а их было немало) ожили и вновь вышли на арену – только он был еще лучше. С мулетой он работал безукоризненно. Убил мастерски и без труда. Внимательно и пытливо следя за его движениями, я думал о том, что, если с ним ничего не случится, он будет по-настоящему велик. Я тогда не знал, что он все равно будет велик, что бы с ним ни случилось, и каждая серьезная рана только придаст ему еще больше мужества и страсти.

Много лет назад я близко знал Каэтано, отца Антонио, и дал его портрет и описание его боев в романе «И восходит солнце». Все в этой книге, что происходит на арене, списано с натуры. Все, что не относится к бою быков, мною вымышлено. Каэтано знал это и никогда не протестовал против моей книги.

Наблюдая Антонио во время боя, я узнавал в нем все, чем силен был его отец в годы расцвета. Техника Каэтано Ордоньеса была совершенна. Умело руководя своими помощниками, пикадорами и бандерильеро, он неторопливо и продуманно вел быка через все три стадии боя к завершающему смертельному удару.

В современном бое быков недостаточно подчинить себе быка мулетой и привести его в такое состояние, чтобы можно было вонзить ему шпагу в загривок. Если бык еще в силах нападать, матадор должен выполнить ряд классических приемов – пассивов, прежде чем нанести последний удар. Делая эти пассивы, матадор пропускает быка мимо себя на таком расстоянии, что бык может достать его рогом. Чем ближе к человеку проходит бык, которого этот человек зовет и направляет, тем сильнее ощущения, испытываемые зрителями. Классические пассивы чрезвычайно рискованны, и матадору приходится направлять движения быка при помощи куска ярко-красной материи, укрепленной на палке в сорок дюймов длиной. Существует много жульнических приемов, позволяющих матадору самому проходить мимо быка, вместо того чтобы пропускать его мимо себя, или же только пассивно встречать его движения, а не управлять ими. Самый эффектный трюк состоит в том, что матадор поворачивается спиной к быку, но, зная его повадку кидаться прямо вперед, становится так, чтобы не подвергать себя слишком большой опасности. С таким же успехом можно спокойно пройти мимо идущего навстречу трамвая; однако публика любит эти фокусы, к которым ее приучил Манолето, – ведь ей говорили, что Манолето великий матадор, вот она и считает все это великим искусством. Пройдут годы, прежде чем публика поймет, что Манолето хоть и был великий матадор, но не брезговал дешевыми трюками, а не брезговал он ими потому, что публика их любит. Он выступал перед невежественными зрителями, которым нравилось, когда их обманывали.

С первого же боя Антонио Ордоньеса, который мне пришлось видеть, я убедился, что он может без жульничества выполнять все классические пассивы, что он знает быков, умеет мастерски заканчивать бой в должную минуту и творит настоящие чудеса плащом. Я сразу признал в нем три главных качества матадора: храбрость, профессиональное мастерство и умение держаться красиво перед лицом смертельной опасности. Но когда при выходе из цирка один общий знакомый передал мне приглашение Антонио прийти к нему в отель «Йолди», я сказал себе: «Только не вздумай заводить опять дружбу с матадором, да еще с

таким, как этот, потому что ты знаешь, насколько он хорош и какая это будет для тебя утрата, если с ним что-нибудь случится».

К счастью, я так и не научился следовать собственным добрым советам или прислушиваться к собственным опасениям. Я увидел в толпе Хесуса Кордову, мексиканского матадора, который родился в Канзасе, отлично говорит по-английски и только накануне посвятил мне убитого им быка, тем самым восстановив мою репутацию, ибо человек, которому посвятили быка в Испании, не может быть красным (прежде всего потому, что красные не ходят на бой быков, это противоречит их учению). Я спросил Хесуса, где находится отель «Йолди», и он предложил проводить меня. Хесус Кордова – славный малый и способный, толковый матадор, и я рад был поболтать с ним. Он довел меня до самой двери номера Антонио.

Антонио лежал на кровати совершенно голый, если не считать полотенца, игравшего роль фигового листка. Я прежде всего заметил его глаза – вряд ли есть на свете другая пара таких ярких веселых черных глаз с озорным мальчишеским прищуром; потом мое внимание невольно привлекли шрамы на правом бедре. Антонио протянул мне левую руку – правую он сильно поранил шпагой, убивая второго быка, – и сказал:

– Садитесь на кровать. Скажите – ведь вы знали моего отца. Я не хуже его?

Глядя в эти удивительные глаза, которые уже больше не щурились, а смотрели доверчиво, словно не было никакого сомнения, что мы станем друзьями, я сказал ему, что он лучше своего отца, и рассказал, какой замечательный матадор был его отец. Потом мы заговорили о его раненой руке. Он сказал, что через два дня будет снова выступать. Порез был глубокий, но не задел сухожилия. В это время зазвонил телефон – Антонио заказал разговор со своей невестой Кармен, дочерью его антрепренера Домингина и сестрой Луиса Мигеля Домингина, матадора, – и я отошел, чтобы не слушать. Когда он кончил разговаривать, я стал прощаться. Мы уговорились встретиться в Эль-Рей-Нобле, я уже не помню, когда именно, и встретились, и Мэри тоже была с нами, и с тех пор началась наша дружба.

Стать компаньонами – socios – мы решили в 1956 году. Сущность наших деловых взаимоотношений сводилась к тому, что я должен был заниматься литературной частью предприятия, а Антонио – той частью, которая относилась к бою быков. Были и другие пункты. Испанская пресса проявляла живейший интерес к нашим деловым проектам, которые всегда отличались большим размахом и смелостью. Кто-нибудь вдруг присылал мне вырезанные из газеты интервью с Антонио, из которого я с восторгом узнавал, что мы строим ряд гостиниц для автомобилистов на каком-то побережье, где я никогда в жизни не бывал. Однажды один репортер спросил нас, какие проекты мы намерены осуществить в ближайшее время в Америке. Я сказал, что мы желали бы купить долину Сан-Вэлли в штате Айдахо, но никак не сойдемся в цене с компанией «Юнион пасифик».

– Я думаю, Папа, у нас есть только один выход, – сказал Антонио. – Придется купить «Юнион пасифик».

Подобная быстрота решений, а также неограниченные наличные средства, которыми мы располагали в разных странах благодаря переводным изданиям моих книг и выступлениям Антонио в Латинской Америке, позволили нам приобрести в интересах прессы крупный пакет акций «Лас Вегас», несколько медных рудников, десятков-другой арен для боя быков, оперный театр «Ла Скала» в Милане и разветвленную систему комфортабельных отелей в разных городах; мы также контролируем производство опиума во Внешней Монголии и выпуск сигарет «Лаки страйк», а в настоящее время торгуем у семейства Дюпон контрольный пакет акций «Дженерал моторс». Этим пока наша деятельность ограничивается, если не считать интереса к последним достижениям в области электроники, пока еще не принявшего определенную форму.

В то лето, когда мы впервые увидели Антонио на арене, Луис Мигель Домингин уже не выступал. Незадолго до того он купил скотоводческую ферму близ Саэлисеса, на дороге Мадрид – Валенсия, и назвал ее «Вилла Мир». Отца его я знал давно. Отец был родом из

Кисмондо в провинции Толедо и считался неплохим матадором в те времена, когда в Испании было два великих матадора. Уйдя с арены, он превратился в энергичного и хитрого дельца: это он открыл и представил публике Доминго Ортега. У Домингина и его жены было трое сыновей и две дочери. Все три сына стали матадорами. Я не видел на арене ни одного из них. Но от людей, мнению которых я доверяю, мне приходилось слышать, что старший, Доминго, превосходно умел наносить быку завершающий, смертельный удар, однако этим его достоинства и ограничивались. Пепе был первоклассным, совершенно исключительным бандерильеро и с другими элементами боя справлялся недурно. Луис Мигель обладал подлинным талантом, который сказывался во всем, он отлично владел бандерильями и вообще был то, что в Испании называется *torero muy largo*, иначе говоря, имел богатый репертуар пассов и грациозных телодвижений, легко подчинял быка своей воле и убивал его со всем возможным мастерством.

Домингин-отец обделывал свои дела в «Сервесерия Алемана», отличном кафе с пивным залом на Пласа-Санта-Ана в Мадриде, постоянным посетителем которого я был в течение многих лет. Тут же, за углом, был дом, где жило все семейство. Это он, Домингин-отец, помогал Мэри выбрать запонки мне в подарок ко дню рождения, и он же пригласил нас по дороге в Валенсию заехать позавтракать к Луису Мигелю на его новую ферму. Джанфранко должен был вернуться в Италию, а мы – Мэри, я и Хуанито Киктана, старый наш знакомец, повстречавшийся нам в Мадриде, – поехали дальше, и в знойный летний кастильский полдень, когда горячий ветер из Африки взметал тучи соломенной пыли над токами, расположенными у дороги, мы остановились перед домом, от которого веяло тенью и прохладой. Луис Мигель был неотразим – высокий, смуглый, узкобедрый, с чуть длинноватой для матадора шеей, с неулыбающимся, слегка презрительным лицом, на котором сквозь профессиональную надменность вдруг проступала веселая усмешка. Мы застали там Антонио с Кармен, младшей сестрой Луиса Мигеля. Это была смуглая красавица, великолепно сложенная. Они с Антонио собирались пожениться этой осенью, и по каждому их слову и движению видно было, как они влюблены друг в друга.

Мы посмотрели стадо, побывали на птичьем дворе и в конюшне, и я даже вошел в клетку, где сидел недавно пойманный близ фермы волк, чем доставил большое удовольствие Антонио. Волк был здоровый на вид, и можно было не опасаться, что он бешеный, поэтому я решил, что ничем не рискую – ну, укусит в крайнем случае, – а мне очень хотелось войти и поиграть с ним. Он меня встретил очень дружелюбно, почуял, должно быть, любителя волков.

Мы увидели новенький бассейн для плавания, в котором еще даже не было воды, и полюбовались бронзовой статуей Мигеля в натуральную величину, – не каждому удастся при жизни украсить свое жилище таким предметом. Мне живой Мигель понравился больше, чем его статуя, хотя статуя, пожалуй, выглядела чуточку благороднее. Но это нелегкое дело – выдерживать постоянное соревнование со своей собственной статуей в своем собственном доме. Впрочем, в этом году Мигель оставил статую в этом соревновании далеко позади. Статуя так и осталась статуей, а Мигель показал себя в беде лучше и достойнее всех, кого я когда-либо видел в беде, а я видел многих.

Мы прекрасно провели время в доме Луиса Мигеля (друзья зовут его просто Мигель), пили сангрию – род лимонада с красным вином и на славу позавтракали перед отъездом. После этого мы ни Мигеля, ни Антонио не видели до 1954 года, до нашего возвращения из Африки. Но еще на борту парохода мы получили телеграмму от Антонио, выступавшего в это время в Малаге. Он нам желал счастливого пути. И после нашей аварии в Марчисон-Фоллз и пожара в Бутиабе, когда мы наконец добрались до такого места, где можно было достать другой самолет, первая телеграмма, полученная нами в Энтеббе, тоже была от него.

Мигеля я увидел опять в мае 1954 года в Мадриде. Он пришел к нам в номер в отель «Палас», где все собрались после очень неудачной корриды, происходившей в дождливый, ветреный день. Было полно людей, стаканов и дыма и слишком много разговоров о том, о

чем лучше было бы позабыть. У Мигеля был ужасный вид. Когда он в форме, он похож на Дон-Жуана пополам с Гамлетом, но в этот шумный вечер он был небрит, выглядел утомленным и похудевшим и весь как будто сник. Он пришел прямо из больницы, где лежала Ава Гарднер, страдавшая от жестоких болей, причиняемых какими-то камнями, которые проходят или, напротив, не могут пройти, и я потом узнал, что Мигель сутки дежурил у ее постели, делая все, что может сделать врач или сиделка, чтобы облегчить боль. Я навещал Аву в больнице, и она сама рассказала мне, как трогательно он за ней ухаживал.

Мигель все еще не вернулся на арену, но уже подумывал о выступлениях во Франции, и несколько раз я ездил с ним на берег Гвадаррамы, где он тренировался на молодых бычках, желая определить, сколько времени ему потребуется, чтобы снова войти в форму. Мне нравилось смотреть, как он работает, упорно, настойчиво, не щадя сил и не давая себе отдыха, а если он чувствовал, что начинает уставать или что у него сдает дыхание, то все же заставлял себя продолжать и не успокаивался, пока не доводил быка до изнеможения. Тогда он принимался работать с другим быком, обливаясь потом и стараясь выровнять дыхание в короткие паузы перед вступлением нового быка в борьбу. Мне нравились его гибкость, его быстрота, его манера работать с быком, умело используя свои природные данные, его великолепные ноги, мгновенность его реакции, неисчерпаемое разнообразие его пассивов и поистине энциклопедическое знание быка. Было наслаждением смотреть, как он работает, тем более что дождливая полоса кончилась и кругом было по-весеннему хорошо. Одно только меня огорчало. Его стиль не волновал меня.

Мне не нравилось, как он работает плащом. Я перевидал всех великих мастеров этого искусства, начиная с Бельмонте, открывшего современный период в истории боя быков, и уже там, в предгорьях Гвадаррамы, я сразу понял, что Мигель не принадлежит к их числу.

Впрочем, это была всего лишь частность, которая не мешала мне находить большое удовольствие в его обществе. У него был острый, язвительный ум, и, когда он одно время гостил у нас на Кубе, я узнал от него много интересного о самых разных вещах. Он не только умен, но и хорошо умеет выражать свои мысли, а кроме того, одарен разнообразными способностями, ничего общего не имеющими с боем быков. Я знаю всех его родных и должен сказать, что это на редкость интеллигентная семья. Мне и раньше приходилось встречать его братьев, Доминго и Пепе, но я совершенно не представлял себе тогда, какие это образованные и умные люди, и, хоть я знал, что Кармен, их сестра, не только хороша собой, но и собеседница прекрасная, лишь в 1956 году, когда Мэри и я стали часто встречаться с Кармен и Антонио, я понемногу оценил в полной мере достоинства этой удивительной семьи.

С Мигелем всегда интересно, иметь его своим гостем – одно удовольствие; ни от кого мне не приходилось слышать таких сногшибательных суждений о жизни и о бое быков. Я никогда их не повторял, и мы с ним оставались друзьями; тем тяжелей досталась мне вся эпопея 1959 года. Будь Мигель врагом, не будь он моим другом и братом Кармен, и Доминго, и Пепе, и шурином Антонио, все было бы просто. Может быть, не совсем просто, но не пришлось бы испытать ничего, кроме обыкновенного человеческого сочувствия.

Для Антонио 1958 год был особенно удачным, такого удачного года у него еще не бывало. Два раза в этом году мы совсем было собрались ехать в Испанию, но я не мог прервать работу над своим новым романом. В поздравительной открытке, которую мы послали Антонио и Кармен к рождеству, я писал, что если нам пришлось пропустить этот сезон, то уж следующего мы не пропустим ни за что и при всех обстоятельствах приедем в Мадрид не позже мая, чтобы успеть к празднику святого Исидора. Как показало время, я бы никогда не простил себе, если бы пропустил то, что произошло весной, летом и осенью этого года. Страшно было бы это пропустить, хотя страшно было и присутствовать при этом. Но пропустить такое нельзя.

Наше путешествие на «Констительюшн» началось в солнечную, ясную погоду, но уже через день погода изменилась, и почти до самого Гибралтарского пролива мы шли в сплошной полосе дождей и туманов. «Констительюшн» – большое красивое судно, и среди его

пассажиров нашлось много приятных людей. Мы его прозвали «Конститьюшн Хилтон», потому что на нем меньше, чем на каком-либо другом судне, чувствовалось, что плывешь по морю. Его не качало. Кормили вкусно и доброкачественно. Имелось несколько отличных баров с превосходными барменами. Моряки, от капитана до матросов, были милейшие люди, обслуживание не оставляло желать лучшего. Ехать на нем после старой «Нормандии», «Иль де Франс» или «Либерте» было все равно что жить в одном из отелей Хилтона, предпочтя его уютному номеру отеля «Ритц» в Париже, с окнами в сад. Но мне жаль было, когда путешествие кончилось, потому что мы успели завести на борту много друзей.

Солнце ярко светило и море было синее, когда мы шли через Гибралтарский пролив, и справа от нас, отступая все дальше и вырастая в высоту, темнели берега Африки. По небу неслись белые облака, подгоняемые все еще свежим ветром, и с мостика, где капитан негромко и коротко переговаривался с рулевым, который вел судно среди других заполнявших бухту судов, чтобы встать на якорь против белого мавританского городка Альхесираса, раскинувшегося на склонах зеленых гор, – с мостика, откуда, повернув голову вправо, можно было увидеть массивную, хоть и беспорядочно изрытую глыбу Гибралтара, «Конститьюшн» уже не казался плавучим отелем, а вновь обрел все свои качества огромного, неправдоподобно могучего корабля, легко и красиводвигающегося по воле направляющей его руки.

На берегу, куда нас доставил катер, таможенники и иммиграционные власти обходились с путешественниками очень любезно. Багаж пропускали без всякого осмотра. И сколько раз мы ни пересекали испанскую границу в то лето и осень, везде было то же самое. Только на границе Гибралтара, где шла холодная война с англичанами, у туристов проверяли чемоданы – и то наших чемоданов никто не проверял. Мои гибралтарские покупки, о которых я заявил, были обложены пошлиной, но в одном пункте таможенный чиновник сказал мне, что таможенники хотят взять на себя уплату пошлины за виски, вывезенное мною из Гибралтара. Он сказал, что читал «Старик и море» в испанском переводе и что сам он рыбак.

Высадившись в Альхесирасе, я потратил некоторое время, чтобы выправить полицейское разрешение на ружья, которые у нас были с собой. Прежде, когда Испания еще не заботилась о привлечении в страну туристов, это заняло бы несколько дней. В альхесирасской полиции все было улажено в пять минут; меня только попросили указать тип, калибр и номер каждого ружья и мои паспортные данные. Два ружья принадлежали Мэри, но их тоже вписали в мое разрешение.

Как только ружья были уложены в машину со всем прочим багажом, мы тронулись в путь, проехали в сумерках по взбирающимся в гору улицам белого городка и через старые кварталы, похожие на арабское селение, выехали на узкое, обсаженное деревьями черное шоссе, которое обегает бухту и, миновав полосу болот, поднимается наперерез длинному выступу, протянувшемуся вдоль неширокой долины к подножью Гибралтара, будто палец, упирающийся в гигантского окаменелого динозавра. У основания пальца был устроен таможенный пост – то ли для острастки контрабандистам, то ли в качестве своеобразного оружия холодной войны. Так как мы ехали из Альхесираса, нас останавливать не стали, и мы в наступившей уже темноте пустились петлять по изгибам дороги, идущей из Гибралтара в Малагу параллельно берегу моря. Машину вел шофер из Малаги, нанятый Биллом Дэвисом, который встречал нас в альхесирасском порту, – и, по-моему, вел очень плохо, особенно когда приходилось проезжать через людные улицы встречных рыбацких городков, где в это время шло вечернее гулянье; но я решил, что просто нервничаю с непривычки после американских дорог. Я и в самом деле нервничал из-за этого шофера – и не без основания, как выяснилось позднее.

Семейство Дэвисов – Билл, Энни и двое малышей, Тео и Нена, – обитало в горах над Малагой, на вилле, которая называлась «Консула». Там у ворот, когда они не были заперты, дежурил сторож. Там к дому вела длинная подъездная аллея, усыпанная гравием и обсаженная кипарисами. Там был сад не хуже мадридского Ботанико. Там в чудесном

большом прохладном доме были просторные комнаты, и тростниковые маты на полу, и много книг, а на стенах старинные карты и хорошие картины. Там имелись камины, где в холодную погоду можно было развести огонь.

Там был бассейн для плавания, куда вода поступала из горного источника, и там не было телефона. Можно было ходить босиком, только не стоило этого делать, так как май был прохладный и солнце не согревало мраморных ступеней. Ели там вкусно, пили вволю. Каждый мог делать, что хотел, и, когда я, проснувшись утром, выходил на открытую галерею, опоясывавшую второй этаж дома, и смотрел на верхушки сосен в парке, за которыми видны были горы и море, и слушал, как шумит в сосновых ветвях ветер, мне казалось, что лучшего места я никогда не видел. В таком месте чудесно работает, и я сел за работу с первого же дня. У меня были целых две недели в запасе: нам достаточно было выехать в середине мая, чтобы попасть в Мадрид к первому бою быков ферии святого Исидора.

В Андалузии весенний сезон боя быков был уже на исходе. Севильская ферия только что окончилась. Тот, кто не был там, ничего не потерял. В день, когда «Конститьюшн» бросила якорь в порту Альхесираса, в Херес-де-ла-Фронтера должно было состояться первое в этом сезоне выступление Луиса Мигеля в Испании, но он прислал свидетельство от врача о том, что выступать не может из-за отравления птомаином, — должно быть, поел испортившихся рыбных консервов на празднике, который устроил у себя на ферме в честь Эльзы Максвелл. Такое начало не сулило ничего утешительного, и еще менее утешительно выглядели снимки и отчеты об этом празднике, помещенные в газетах. Мне пришло в голову, что лучше всего, пожалуй, остаться на вилле «Консула», работать, купаться и время от времени ездить на бой быков, если случится интересный поблизости. Но я обещал Антонио быть к празднику святого Исидора в Мадриде, и, кроме того, мне нужно было собрать дополнительный материал для задуманного мной добавления к «Смерти после полудня».

Всех удивило наше отсутствие на корриде 3 мая в Хересе, когда Антонио убил двух быков с фермы Хуана Педро Демека, показав великолепную работу. Многие спрашивали Антонио, где его компаньон, почему он не приехал, — так, по крайней мере, рассказывал Руперт Белвилл, прямо из Хереса явившийся в «Консулу» на сером, похожем на жучка «фольксвагене», куда его шесть с половиной футов было труднее втиснуть, чем в кабину истребителя. Антонио, по его словам, отвечал любопытным: «Эрнесто нужно работать, так же, как и мне. Мы с ним в середине месяца встретимся в Мадриде». С Рупертом приехал Хуанито Кинтана, и я спросил его, как Антонио сейчас.

— Лучше чем когда-либо, — сказал Хуанито. — Он стал уверенней и совершенно спокоен. Он ни на минуту не дает быку передышки. Вот скоро увидишь сам.

— Какие-нибудь промахи ты заметил?

— Нет. Никаких.

— А как он наносит последний удар?

— Первый раз он метит высоко, опустив мулету очень низко. Если шпага упрется в кость, то второй раз он берет чуть-чуть ниже, чтобы попасть в артерию. Он точно знает, насколько можно взять ниже, не нарушая правил, и убивает храбро; но он научился не попадать в кость.

— Так ты думаешь, мы в нем не ошиблись?

— Нет, *hombre*, нет. Он оправдывает все ожидания, а то, что он перенес, только пошло ему на пользу. Он не стал ни в каком отношении слабее.

— А ты как — здоров?

— Вполне и очень рад, что мы опять вместе. В этом сезоне нам будет что посмотреть.

— А как Луис Мигель?

— Эрнесто, я не знаю, что тут сказать. В прошлом году в Витории ему пришлось иметь дело с настоящими быками. Не с такими, какие бывали в наше время, но все-таки это были настоящие быки, и он не мог с ними справиться. Они не подчинялись ему, а он привык

властвовать на арене.

– Что ж, разве он работает только с такими, у которых подправлены рога?

– Конечно, нет. Но ты ведь знаешь, как это бывает.

– А в какой он сейчас форме?

– Говорят, в отличной.

– Тем лучше для него.

– Да, – сказал Хуанито. – Но Антонио – это лев. Только Хосе и Хуан вызывали у меня такое же чувство. Что он может сделать то, что нужно, и сделает то, что нужно, и заставит быка сделать то, что нужно, все время оставаясь хозяином боя.

– Были и другие, которые вызывали у нас это чувство, – сказал я. – Сам знаешь.

– Верно, – сказал Хуанито. – Но их не надолго хватило. А Антонио был серьезно ранен уже одиннадцать раз, и после каждой раны он еще лучше.

– Это выходит, чуть ли не каждый год, – сказал я.

– Именно каждый год, – сказал Хуанито. Я трижды постучал по стволу большой сосны, у которой мы стояли. Ветер раскачивал верхушки деревьев, и сколько раз мы ни присутствовали на бое быков в эту весну и лето, всегда дул сильный ветер. Я не помню другого такого ветреного лета в Испании, и все отмечали, что никогда еще не было так много тяжелых увечий на арене, как в этот сезон.

Для меня большое число пострадавших в прошлогодних боях объясняется, во-первых, ветреной погодой, потому что ветер относит в сторону плащ или мулету, и человек вдруг остается неприкрытым и незащищенным перед быком; во-вторых – тем, что все выступавшие матадоры состязались с Антонио Ордоньесом и старались подражать ему, независимо от того, был ветер или нет. Были и другие причины, о них я скажу после.

Людам, далеким от боя быков, всегда кажется странным, что так много матадоров бывает ранено и так мало умирает. Секрет тут прост: антибиотики и современная техника хирургии. Жизнь матадора в такой же мере зависит от пенициллина и других антибиотиков, как от его верных помощников. Пенициллин – невидимый член куадрильи. Без антибиотиков десятка два матадоров и новильеро, раненных в прошлом году, погибло бы. При антибиотиках и современной хирургической технике многие знаменитые матадоры прошлого остались бы в живых.

Об этом разговаривали мы с Хуанито, прогуливаясь по саду «Консулы»; вспоминали разные случаи, перебирали имена людей, которых мы оба хорошо знали и которые умерли молодыми, и прикидывали, кого из них можно было спасти и кого нет. Мы тогда еще не знали, какое лето нас ожидает, но у нас обоих было тревожно на душе.

Бой быков без соперничества ничего не стоит. Но такое соперничество смертельно, когда оно происходит между двумя великими матадорами. Ведь если один из боя в бой делает то, чего никто, кроме него, сделать не может, и это не трюк, но опаснейшая игра, возможная лишь благодаря железным нервам, выдержке, смелости и искусству, а другой попытается сравняться с ним или даже превзойти его, – тогда стоит нервам соперника сдать хоть на миг, и такая попытка окончится тяжелым ранением или смертью. Или же ему придется прибегать к трюкам, а когда публика научится отличать трюк от подлинного искусства, его поражение неизбежно, и хорошо еще, если он останется жив и удержится на арене.

Первые двенадцать дней мая пробежали незаметно. Я рано вставал и брался за работу, в полдень ходил купаться, но плавал недолго, чтобы не устать; за второй завтрак все садились поздно, потом иногда спускались в город за почтой и газетами, заходили и в ночной кабачок в духе Сименона при «Мирамаре», большом приморском отеле в центре Малаги, где у нас завелись знакомые среди обслуживающего персонала, потом возвращались в «Консулу» и обедали всегда поздно.

Тринадцатого мая мы выехали в Мадрид на бой быков.

Когда едешь по незнакомой дороге, все расстояния словно удлиняются, трудные участки пути кажутся еще трудней, опасные повороты еще опаснее, а крутые спуски

выглядят совсем отвесными. Как будто ты снова стал мальчиком или подростком. Но путь из Малаги в Гренаду через горный перевал – нешуточное дело, даже если знаешь каждую извилину этого пути, каждый объезд, который может облегчить задачу. В этот раз, с шофером, рекомендованным Биллу кем-то из знакомых, это было просто ужасно. Он все повороты делал не так, как нужно. Он только и знал, что сигналил, – как будто это могло вовремя остановить какой-нибудь встречный грузовик, нагруженный до отказа, – и у меня не раз душа уходила в пятки и на спусках и на подъемах. Я старался смотреть на долины, на фермы и на маленькие каменные городки, остававшиеся внизу, под нами, на ломаные линии горных хребтов, сбегавших к морю. Я видел темные, голые стволы пробковых дубов, с которых уже месяц назад срезали кору, заглядывал в глубокие расселины, открывавшиеся на поворотах, провожал глазами дрековые поля с плешинами известняка, уплывавшие к каменистым кручам, и поневоле терпел всю несурезицу этой езды, порой лишь пытаюсь советом или сдержанным приказанием отвести неминуемую гибель.

В Хаэне наш шофер чуть не сбил человека, переходившего улицу, потому что несся с идиотской скоростью, не думая о пешеходах. После этого он стал больше прислушиваться к советам, да и дорога теперь пошла лучше, и мы благополучно пересекли в Байлене долину Гвадалквивира, поднялись на плато и опять поехали по горной местности, вдоль Сьерра-Морены. Мы проезжали каменистые кручи Навас-де-Толоса, где христианские короли Кастилии, Арагона и Наварры наносили когда-то поражения маврам. Эти места удобны и для обороны и для наступления (если уже взят перевал), и сейчас, сидя в быстро несущейся машине, странно было думать о том, каково было продвигаться по этой самой местности 16 июля 1212 года и как выглядели тогда эти голые горные луга.

Крутой и извилистый подъем привел нас к перевалу Деспеньяперрос, который служит границей между Андалузией и Кастилией. Андалузцы говорят, что северней этого перевала не родился еще ни один стоящий матадор. Дорога и здесь отличная и хорошему водителю не сулит никакой опасности, а на самом верху есть несколько ресторанчиков и гостиниц, с которыми нам предстояло близко познакомиться этим летом. Но в тот день мы спешили, благо ехать было теперь легко, и остановились только в первом городке после перевала, у дома, за которым дорога сразу резко шла под уклон. На крыше этого дома два аиста вили гнездо. Оно еще не было готово, и между аистами шла любовная игра. Самец клювом поглаживал самку шею, а она то смотрела на него с аистиной нежностью, то отводила глаза, и он снова принимался гладить ее шею. Мы остановились, и Мэри сделала несколько снимков, хотя освещение было неважное.

Мы вспомнили, как в 1953 году, на пути в Африку, мы прочли большую статью, напечатанную в иллюстрированном французском журнале, о том, что аисты в Европе почти перевелись и, вероятно, обречены на вымирание, и как поздней зимой того года мы видели тысячи аистов, летевших из Эфиопии за тучами саранчи и других вредителей, являющихся бичом Африки. Эти два аиста были первыми, которых нам привелось увидеть в Испании, но в течение лета мы их встречали сотнями. За тридцать пять лет я еще не видел такого множества аистов. Поздней мы часто ездили по этой дороге и видели, как вывелись в гнезде два птенца и как отец и мать кормили и воспитывали их; а когда мы последний раз проезжали мимо, уже в конце октября, гнездо было пусто: вся семья улетела.

Когда мы спустились в долину Вальдепеньяс, виноградные лозы были не выше ладони, и бесконечные акры виноградников гладью стлались до подножия гор, темневших вдаль. Вино Вальдепеньяс хорошо пить поутру в какой-нибудь мадридской таверне, в компании старых знакомых, таких же ранних пташек, как и ты. Это вино без претензий. Оно жестковатое и чистое на вкус, и от него внутри разгорается несильный, быстро гаснущий огонь, после которого не остается пепла, и если ты согрелся, то пить больше не хочется. В жаркий день оно сохраняет прохладу в тени и на ветру. Оно холодит, а потом поддает жару – немного, лишь бы заявить о себе. Второй стакан снова холодит, а жару поддает, только если это требуется, чтобы мотор работал. Вальдепеньяс – шампанское бедняков, но ведерки со льдом для него не нужны. Эти гроздья так созревали и из них так давили сок, чтобы можно

было пить вино при любой температуре; а перевозят его в обыкновенных бурдюках. Мы ехали по хорошему шоссе, недавно проведенному через этот винодельческий край, и смотрели, как вспархивают куропатки с обочин грунтовой дороги, идущей параллельно новому шоссе, и к вечеру уже были в Мансанаресе, где и остановились в гостинице на ночлег. До Мадрида отсюда было всего сто семьдесят четыре километра, но нам хотелось проделать этот путь при дневном свете, к тому же бой быков должен был начаться завтра только в шесть часов вечера.

Рано утром мы с Биллом Дэвисом вышли из гостиницы, где все еще спали, и спустились в центр этого старого ламанчского городка, мимо низкой оштукатуренной ограды, за которой лежала арена боя быков – та самая арена, где Игнасио Санчес Мехиас получил роковую рану в бою, воспетом Лоркой; потом узкими улочками вышли на соборную площадь и попали в толпу горожан, возвращавшихся с базара. Базар был шумный, людный, привоз большой, но многие из покупателей жаловались на дороговизну, особенно рыбы и мяса. После Малаги, где говорят на незнакомом мне диалекте, так приятно было слышать чудесную звонкую испанскую речь и понимать каждое слово.

Пожилой испанец подошел ко мне и сказал:

– Не покупайте ничего. Слишком дорого. Я ничего не купил.

– Что же вы будете есть?

– А я подожду до конца базара, – сказал он. – К концу они волей-неволей кое на что спустят цены.

– Если говорить о рыбе, то вам не придется долго ждать.

– Верно, – сказал он. – Вон к тем сардинам скоро уже можно будет подступиться. Я ведь здешний. Мне спешить некуда. Но вы ничего не покупайте. Будьте примером для других.

Мы выпили в таверне кофе с молоком, макая в него ломти вкусного хлеба, и довершили завтрак стаканчиком-другим вина и манчегским сыром. Белое вино было вкуснее красного. Город остался в стороне от нового шоссе, и человек за стойкой сказал мне, что в таверне теперь редко увидишь приезжего.

– Мертвый стал город, – сказал он. – Только в базарные дни и оживает немного.

– Как с вином в нынешнем году?

– Сейчас еще рано говорить, – ответил он. – Вы знаете столько же, сколько я. Обычно у нас хорошо и всегда одинаково. Виноград растет, как сорняк.

– Я люблю ваше вино.

– Я сам его люблю, – сказал он. – Оттого и ругаю. Чего не любишь, то не ругаешь. Так уж повелось теперь.

Мы быстро отшагали три километра обратно, в гостиницу. Идти теперь пришлось в гору, и это послужило хорошим моционом. Город, который мы покидали, выглядел уныло, и расставаться с ним было легко. Когда мы погрузились и машина выехала на проселок, ведущий к новому шоссе, шофер истово перекрестился.

– Что-нибудь неладно? – спросил я. Он уже раз крестился так в первый вечер, когда мы ехали из Альхесираса в Малагу, и я тогда решил, что мы проезжаем место, где когда-то случилось несчастье, и мысленно с почтением склонил голову. Но сейчас было ясное утро, предстоял лишь короткий переезд до столицы по отличной дороге, а особенной набожностью наш шофер, судя по разговору, не отличался.

– Да нет, все в порядке, – сказал он. – Это чтобы нам благополучно добраться до Мадрида.

Не для того тебя нанимали, чтобы ехать в расчете на чудо или на промысел божий, подумал я. Нужно знать свое дело, если садишься за руль, да хорошенько проверить резину, прежде чем приглашать господ бога в напарники. Но тут я вспомнил о женщинах и детях и о том, как важно единение в этом брэнном мире, – и тоже перекрестился. Потом, желая оправдать эту чрезмерную заботу о нашей собственной целостности и невредимости, пожалуй, несколько преждевременную, если учесть, что мы собирались добрых три месяца колесить

днем и ночью по дорогам Испании, и довольно эгоистическую, поскольку нам предстояло провести это время в среде матадоров, я помолился за всех, кого мог считать заложниками Судьбы, за всех друзей, больных раком, за всех знакомых женщин, живых и умерших, и за Антонио, чтобы ему достались хорошие быки. Последняя молитва не была услышана, но зато после рискованного пробега через Ламанчу и кастильские степи мы все же благополучно добрались до Мадрида и отсюда уже отправили нашего шофера обратно, в Малагу, ибо у самого отеля «Суэзия» выяснилось, что он понятия не имеет о том, что значит поставить машину в большом городе.

Сделать это пришлось в конце концов Биллу, и он же взял на себя шоферские обязанности на весь сезон. Оказалось, что водительский опыт нашего шофера ограничивался ездой на грузовике в качестве подручного. Нам его рекомендовали с чисто испанской непосредственностью потому, что он приходился кому-то дальним родственником, был честным, добропорядочным малым и нуждался в работе. Мы деликатно объяснили ему, что не можем пользоваться его услугами, так как он не знает мадридских улиц и мадридских порядков – что вполне соответствовало истине, – и он с незапятнанным послужным списком вернулся к своему грузовику.

Во время остановки в Аранхуэсе, пока нашу машину мыли и заправляли, мы прошли в старый ресторан на южном берегу реки Тахо и заказали спаржу и белое вино. Река была зеленая, узкая и глубокая. Вдоль берегов росли деревья, по воде плыли унесенные течением водоросли, и у пристани празднично качались лодки, предназначенные для прогулок вверх по реке, к старинному королевскому парку. Кругом было тихо, и аранхуэсский ресторан напоминал домик на Сене близ Ба-Медона с картины Сислея. Спаржа была крупная, белая, нежная на вкус, и было приятно завтракать ею в тени деревьев, глядя, как плещется в реке рыба, и попивая мягкое некрепкое вино, перед подъемом на сухую белую суровую возвышенность, которую пересекает дорога, ведущая в Мадрид.

Отель «Суэзия», новый и нарядный, выстроен позади здания, где когда-то были кортесы, в нескольких минутах ходьбы от старого Мадрида. Руперт Белвилл и Хуанито Кинтана, приехавшие раньше, рассказывали, что Антонио ночевал в отеле «Веллингтон» в новой, фешенебельной части города, где расположено большинство новых отелей. Он хотел выспаться и одеться вне дома, чтобы спастись от осаждавших его репортеров, поклонников и болельщиков. Кстати, «Веллингтон» находится недалеко от цирка, а это важно, так как во время праздника святого Исидора движение на улицах затруднено. Антонио любит заблаговременно быть на месте, и, кроме того, беспрестанные остановки из-за уличных заторов хоть кого могут вывести из себя. А перед боем это совсем ни к чему.

В номере Антонио толпился народ. Много было знакомых. Еще больше незнакомых. В гостиной собрался избранный круг почитателей. Большинство – люди среднего возраста. Только двое молодых. У всех был очень торжественный вид. Было много людей, так или иначе связанных с боем быков, несколько репортеров, в том числе двое из французских иллюстрированных изданий, и с ними фотографы. Ничуть не торжественно выглядели только Каэтано, старший брат Антонио, и Мигелильо, его служитель.

Каэтано поинтересовался, захватил ли я свою серебряную фляжку с водкой.

– Да, – сказал я. – Для экстренного случая.

– Сейчас как раз такой случай, Эрнесто, – сказал он. – Выйдем-ка в коридор.

Мы вышли, выпили за здоровье друг друга, потом вернулись, и я пошел в комнату, служившую Антонио гардеробной. Он одевался.

Он ничуть не изменился, разве только возмужал немного и, кроме того, загорел и поздоровел от жизни на ферме. В нем не чувствовалось ни волнения, ни торжественности. Через час с четвертью он должен был выйти на арену и точно знал, что это значит, что ему нужно делать и что он будет делать. Мы очень обрадовались друг другу, и для каждого из нас все было так же, как бывало всегда.

Я не люблю гардеробных и перевязочных, и потому, после того как он спросил о здоровье Мэри, а я – о здоровье Кармен и мы уговорились поужинать вместе, я сказал:

- Ну, я пойду.
- Ты зайдешь потом?
- Конечно, – сказал я.

– Значит, до вечера, – сказал он и улыбнулся своей улыбкой сорванца-мальчишки, которая так естественно, легко и непринужденно набегала на его лицо еще до первого сезона в Мадриде. Он думал о предстоящем бое, но эта мысль не тревожила его.

Трибуны были битком набиты, но коррида шла плохо. Быки были дрянные, нападать не решались, – уже устремившись вперед, вдруг останавливались на всем скаку. Они были перекормлены, тяжелы не по росту, и если уж бросались на лошадей, то очень быстро выдыхались и припадали на задние ноги.

Антонио спас корриду от полного провала и показал мадридцам образчик того, на что он теперь способен. Бык ему попался никуда не годный. Он обходил лошадей и никак не решался напасть в открытую. Но Антонио легко и изящно подманивал его плащом, звал, учил, подбодрял, с каждым разом все ближе и ближе пропуская мимо себя. Он делал из него боевого быка у публики на глазах. Казалось, он проникает в бычью голову и орудует там решительно и умело, покуда бык не поймет, чего от него хотят.

За это время, что я его не видел, он довел до совершенства свое умение владеть плащом. Это были не просто уверенные и точные пассы, о каких мечтает любой матадор. Каждый взмах подчинял быка, заставлял его следовать за плащом, описывать круг так, что рога проходили в нескольких сантиметрах от Антонио, чьи движения были плавны и размеренны, точно в замедленном фильме или во сне.

Взяв мулету, Антонио не прибежал ни к каким уловкам. Бык теперь принадлежал ему. Он его подготовил, и довел до совершенства, и сделал послушным себе, ни разу не причинив ему боли. Он подзывал его, держа мулету в левой руке, и обводил вокруг себя снова и снова, потом заставил пригнуть голову и одним движением кисти руки привел в положение для смертельного удара.

Первый раз, когда Антонио вонзил шпагу, тщательно нацелясь на бугор между лопатками, острое уперлось в кость. Тогда он нацелился снова и вонзил шпагу в то же место, и она вошла до самого эфеса. Когда пальцы Антонио обагрила кровь, бык уже был мертв, но еще не знал этого. Антонио следил за ним, высоко подняв руку, управляя его смертью, как управлял этой единственной схваткой его недолгой жизни, и бык вдруг содрогнулся и рухнул на песок.

Когда после боя мы сидели рядом на его кровати в номере отеля «Веллингтон» – он уже принял душ и немного остыл, – Антонио спросил меня:

- Ну как, Эрнесто, доволен?
- Ты знаешь сам, – сказал я. – Все знают. Тебе пришлось сделать этого быка. Тебе пришлось выдумать его.
- Верно, – сказал он. – Но получилось, в общем, неплохо.

Погода стояла дождливая, ветреная, и ферия показалась нам томительно долгой. Корриды начинались так поздно, что уже после третьего быка солнце покидало арену, а последний бой происходил при электрическом свете. Не было за все время ни одного по-настоящему хорошего быка, – только несколько неплохих и очень много сносных.

Когда мы после боя быков в Севилье ехали через Кордову в Мадрид, по низкому небу

неслись черные тучи и шел дождь, и мы только в редкие минуты прояснения могли любоваться местностью. Под стать погоде были и наши мысли, и мы оба сетовали на неудачные бои, на быков, не достигших надлежащего веса и возраста, которых кто-то сумел подсунуть, вопреки правилам, и Билл предсказывал, что таким же неудачным будет весь сезон. Ни он, ни я вообще не восхищались севильской школой. Для андалузцев и для любителей боя быков это ересь. Считается, что все болельщики должны питать к Севилье прямо-таки мистическую любовь. Но я уже давно пришел к убеждению, что ни в каком другом городе не бывает так много неудачных боев. Ни Биллу, ни мне не нравилась и новая большая арена в Мадриде. Она слишком велика, и потому то, что на ней происходит, мало волнует зрителей. Даже из первого ряда плохо видны подробности боя, если только матадор и бык не стоят прямо под вами, у самого барьера, и я рассказывал Биллу о старой арене, где и за плохим боем было интересно следить – так хорошо можно было разглядеть все подробности. Над нами пролетали стаи аистов, искавших под дождем корм, а в горах то и дело попадались ястребы всевозможных разновидностей. Я люблю смотреть на ястребов, а в эту ненастную погоду множество их летало вокруг в поисках пищи, но дело это было трудное, потому что все малые птицы попрятались от дождя и ветра. За Байленом дорога, которую нам впоследствии предстояло так хорошо изучить, повернула к северу и, когда тучи расходились, среди полей пшеницы, полегшей от ветра, и виноградников, где лозы выросли на пол-ладони с тех пор, как мы проезжали здесь три дня назад, направляясь на юг, виднелись омытые дождем старинные замки и белые дереvушки, открытые всем ветрам, – а чем севернее, тем ветров больше.

Остановившись, чтобы заправить машину, мы подкреплялись остатком вина, ломтиком сыра или маслинами в буфете заправочной станции и пили черный кофе. Билл никогда не пил вина, когда вел машину, но я прихватил бутылку легкого росадо из Лас-Кампаньяс в мешке со льдом и попивал холодное вино, закусывая хлебом и сыром манчего. Я любил этот край во все времена года и каждый раз радовался, когда последний перевал оставался позади и нас встречали суровые земли Ламанчи и Кастилии.

Билл решил ничего не есть, пока мы не доберемся до Мадрида. Он уверял, что после еды его клонит ко сну, а ему предстоит день и ночь сидеть за рулем. Он любил поесть, знал толк в еде, и никто лучше его не умел достать хорошую еду, в какой бы стране он ни очутился. Он очень своеобразный человек и всегда старается узнать как можно больше нового о людях, местности, винах, спорте, литературе, зодчестве, музыке, живописи, науке, жизни. Когда он впервые приехал в Испанию, он обосновался в Мадриде, а потом вместе с Энни объездил все испанские провинции. Не осталось буквально ни одного города в Испании, где бы он не побывал, и повсюду он знает и местные вина, и местную кухню, и какие именно кушанья особенно хороши, и в каких ресторанах лучше всего кормят, будь то большой город или глухой городишко. Лучшего спутника я и желать не мог, а уж водитель он был просто двуличный.

До Мадрида мы добрались как раз вовремя, чтобы захватить второй завтрак в «Кальехоне» – тесном, похожем на коридор ресторане на калье Тернера, куда мы всегда заходили поесть, когда бывали только вдвоем. Потому что, на наш взгляд, нигде во всем городе так вкусно не кормили. Там была отличная домашняя кухня и всегда имелось какое-нибудь специальное блюдо – каждый день другое; рыба, мясо, овощи, фрукты были там самые лучшие, какие только можно было достать на рынке. Там подавали тинто и кларет вальдепеньяс в маленьких, средних или больших кувшинах, и вино было превосходное. Марио, великий автомобилист и ценитель жизненных удовольствий, говорил, что никогда еще не едал в таком замечательном ресторане. Адамо любил бывать там, потому что все это напоминало ему Удине. Мэри там не нравилось – она жаловалась на тесноту и на плохую вентиляцию. В 1956 году ей чуть было не удалось наложить вето на посещение «Кальехона», но хозяин перехитрил ее, – воспользовавшись нашим отсутствием, прикупил часть соседнего помещения и открыл прекрасно проветриваемый новый зал.

После того как мы, дожидаясь свободного столика, выпили у стойки в баре по

нескольку стаканов вальдепеньяса, у Билла разыгрался аппетит. Меню украшала приписка, гласившая, что одной порции любого кушанья достаточно для полного насыщения, и Билл заказал сначала жареную рыбу, а затем ему подали такую порцию какого-то астурийского блюда, что ее хватило бы для полного насыщения по меньшей мере двоих. Все это он одолел и только заметил:

– А здесь кормят недурно.

Когда опустел второй кувшин вальдепеньяса, он добавил:

– И вино недурное.

Я уплетал молодых угрей в чесночном соусе, напоминавших нежные бамбуковые побеги с хрустящими кончиками, только угри были маслянистее на вкус. Передо мной стояла полная глубокая тарелка угрей, и есть их было райское блаженство, зато каждому, кто потом встретился бы со мной в закрытом помещении и даже на свежем воздухе, это сулило муки ада.

– Угри замечательные, – сказал я. – А вино – не знаю. Еще не распробовал. Хочешь угрей?

– Пожалуй, возьму одну порцию, – ответил Билл. – Выпей вина. Может, понравится.

– Еще один большой кувшин, – сказал я официанту.

– Сейчас, дон Эрнесто. Я уже приготовил.

К нашему столику подошел хозяин.

– Не желаете ли бифштекс? – спросил он. – У нас сегодня отличные бифштексы.

– Приберегите их к обеду. А нет ли спаржи?

– Отличная спаржа. Из Аранхуэса.

– Завтра нам предстоит коррида в Аранхуэсе, – сказал я.

– Как поживает Антонио?

– Очень хорошо. Он выехал из Севильи вчера вечером. А мы сегодня утром.

– Как было в Севилье?

– Так себе. Быки дрянные.

– Вы будете здесь ужинать с Антонио?

– Вряд ли.

– На всякий случай я оставлю для вас отдельный кабинет. В прошлый раз все были довольны?

– Очень.

– Желаю удачи в Аранхуэсе.

– Спасибо, – сказал я.

В Аранхуэсе нас ждали одни неудачи, но у меня не было никаких дурных предчувствий.

Накануне, в то время, когда Антонио выступал в Севилье, Луис Мигель вместе с Антонио Бьенвенида и Хаиме Остосом выступал в Толедо. Все билеты были проданы. Самые дорогие места заняла публика, приехавшая из Мадрида, много собралось друзей и поклонников Луиса Мигеля. День выдался пасмурный, дождливый, быки были крупные, более или менее храбрые, но с подпиленными, как утверждали очевидцы, рогами. Луис Мигель хорошо работал с первым быком, со вторым еще лучше. За отличную работу с этим быком он отрезал одно бычье ухо, и если бы он удачнее всадил шпагу, ему досталось бы и второе.

Я очень жалел, что мне не довелось видеть выступление Луиса Мигеля, тем более что и завтра мы не могли попасть в Гренаду на бой быков с его участием. Таково уж было расписание корриды, но я знал, что вскоре положение изменится. Я запасся списком всех объявленных выступлений и Луиса Мигеля и Антонио, из которого явствовало, что в ближайшее время им предстояло выступать в тех же городах и в тех же фериях. Мало того – им предстояло выступать в одни и те же дни и, значит, соперничать друг с другом. А пока что я следил за успехами Мигеля, насколько это было возможно, по рассказам тех зрителей, чьим суждениям я доверял.

В Аранхуэсе 30 мая стояла хорошая для боя быков погода. Дождь кончился, и солнце пригревало свежевывмытый город. Деревья зеленели, мощеные улицы еще не успели покрыться пылью. Понаехало много крестьян из окрестных деревень – они разгуливали по городу в черных куртках и серых штанах из жесткой полосатой материи – и довольно много мадридцев. Мы уселись на террасе старомодного кафе в тени деревьев, смотрели на реку, на катера и лодки. Река потемнела и вздулась от дождя.

Потом наши гости отправились осматривать королевский парк на берегу реки, а мы с Биллом пошли через мост к старому отелю «Делисиас» повидаться с Антонио и взять билеты у его служителя Мигелильо. Я заплатил Мигелильо за четыре билета в первом ряду, сказал молодому испанцу, который подрядился написать серию очерков об Антонио для мадридской газеты, чтобы он не приставал сейчас к Антонио, а дал ему отдохнуть, причем объяснил, почему это нужно, потом подошел к кровати поговорить с Антонио, намереваясь уйти как можно скорей и тем подать хороший пример другим.

– Вы поедете прямо в Гренаду или переночуете где-нибудь? – спросил Антонио.

– Я думаю ночевать в Мансанаресе.

– В Байлене лучше, – сказал он. – Хочешь, я поведу вашу машину до Байлена, там мы пообедаем, а по дороге поболтаем. Потом я пересяду в «мерседес» и буду спать до самой Гренады.

– Где мы встретимся?

– Здесь, после боя.

– Ладно, – сказал я. – До скорого.

Он улыбнулся, и я понял, что чувствует он себя хорошо и очень уверенно.

Я убедил Марино Гомеса Сантоса, юного корреспондента «Пуэбло», уйти вместе с нами. Мигелильо устанавливал портативное церковное оборудование. Он поставил лампаду и образ божьей матери на туалетном столике подле прислоненного к стене массивного кожаного футляра со шпагами.

Когда мы шли посыпанной гравием дорожкой к мощеному двору отеля, забитому машинами, я вдруг услышал грохот и, обернувшись, увидел лежащий на боку мотороллер. Люди сбегались к водителю, который, видимо, сильно расшибся. Но девушку, сидевшую позади водителя, выбросило на середину мостовой. Я подбежал к девушке, поднял ее и держал на руках все время, пока мы ловили машину, чтобы отвезти ее в больницу. Но все машины, видимо, были заняты другими делами. Я боялся, что у нее повреждено основание черепа. Крови было немного, и я нес девушку очень бережно, стараясь не повредить ей и в то же время не запачкать кровью свой костюм. Мне не жаль было костюма, но несчастье, случившееся с девушкой, само по себе служило достаточно дурным предзнаменованием, недоставало еще, чтобы я в таком виде сидел в первом ряду перед ареной боя быков. Наконец мы достали машину, передали девушку в надежные руки, и ее повезли в больницу. Потом мы сошлись с нашими гостями в ресторане на набережной. Меня очень огорчало, что несчастье с девушкой случилось в день открытия фиесты, и тягостно было вспоминать ее посеревшее, запыленное полудетское лицо. Я беспокоился, не повреждена ли черепная коробка, и мне было стыдно, что все время, пока я нес девушку на руках, я думал не только о ней, но и о том, как бы не выпачкаться в крови.

Вокруг небольшого, старинного, чудесного, неудобного, обветшалого цирка подсыхала грязь. Мы вошли, разыскали свои места и уселись, глядя на желтеющий так близко песок.

Антонио достался первый из быков с фермы Санчеса Коваледы. Бык был крупный, черный, красивый, с длинными, очень острыми рогами. Антонио проделал несколько вероник с присущим ему изяществом, неторопливо, плавно, уверенно взмахивая плащом, подходя к быку почти вплотную, заставляя его двигаться все медленнее и медленнее и пропуская быка мимо себя так близко, что рога только-только не упирались ему в грудь. Однако публика осталась равнодушна – чего не случилось бы в Мадриде, – и потому Антонио в дальнейшей работе с плащом действовал иначе, несколько отклоняясь от классического стиля в сторону более эффектной, но менее опасной севильской манеры. Он

протягивал быку плащ, держа его обеими руками на уровне груди. Затем он медленно делал полный оборот вместе с раздувающимся вокруг него плащом, то приближаясь к быку, то удаляясь от него. На такое китэ приятно смотреть, но, по существу, это не прием, а трюк. Как только рога оказываются слишком близко, матадор слегка отклоняется в сторону и бык проходит мимо. Публике это нравилось. Нам тоже. Такая работа очень красива, но она не волнует. В этой части Испании люди, понимавшие, что такое настоящие быки и настоящий бой быков, были истреблены в гражданскую войну – и на той и на другой стороне.

Когда Антонио взял в руки мулету, к быку еще опасно было подходить, и Антонио начал готовить его, терпеливо внушая быку уверенность и мужество. Что-то произошло с быком, может быть, ему надоели взмахи плаща. Мне случалось видеть такое. Чтобы расшевелить его, Антонио вынужден был подходить к нему очень близко. Иногда к концу боя бык плохо видит. Но тут было другое, и это другое Антонио должен был преодолеть за те десять минут, в которые матадор учит быка умирать.

Антонио внушил быку уверенность, подставляя ему правую ногу и правое бедро, а затем показал ему, что он может безнаказанно следовать за красной мулетой и что это своего рода игра.

Потом они играли в эту игру. Мулета дразнила то справа, то слева. То выше, то ниже. Бык обходил Антонио кругом. Раз, еще раз. На, держи. Обойди меня, бык. Так. Ну, еще разок. Еще.

А затем быку что-то взбрело на ум. Он внезапно оборвал игру и, вместо того чтобы закончить поворот вокруг Антонио, кинулся на него. Рог прошел на расстоянии одной сотой дюйма, и бык толкнул Антонио головой. Антонио обернулся, протянул быку мулету и пропустил его у самой своей груди.

Потом он начал игру сначала и заставил быка дважды сделать поворот, во время которого бык чуть было не всадил в него рога. Теперь публика оценила его, и по ее требованию заиграла музыка. Наконец Антонио убил быка, убил с первого удара, вонзив шпагу чуть левее высшей точки загривка. Вся публика махала платками, требуя для Антонио бычье ухо. Но когда бык падал, у него изо рта потекла кровь, что часто бывает, даже если бык убит по всем правилам, и президент не разрешил отрезать ухо, хотя зрители махали платками до тех пор, пока быка не увезли с арены.

Антонио, приветствуемый толпой, обошел арену кругом и еще дважды выходил кланяться. К барьеру он вернулся злой, стараясь казаться равнодушным, и, когда Мигелильо подал ему стакан воды, он что-то проговорил сквозь зубы. Он отхлебнул из стакана, ни на кого не глядя, потом прополоскал рот и выплюнул воду на песок. Позже я спросил Мигелильо, что Антонио сказал.

– Он сказал: «Очень мне нужно это ухо», – ответил Мигелильо. – Все равно, он показал им, что к чему.

Вторым выступал Чикуэло-второй. Он маленького роста, не выше пяти футов и двух дюймов, с грустным, благообразным лицом. Вернее, он был таким. Ни одно животное, даже барсук, не может сравниться с ним храбростью, и мало кто из людей, на мой взгляд. Он появился на арене сперва в качестве новильеро, потом, в 1953 и 1954 годах, – матадора, пройдя страшную школу сельских капеа. Так называют любительский бой быков, который устраивают на деревенских площадях – чаще всего в Кастилье и Ламанче – где местные парни и кочующие новички-тореро выходят против быков, уже неоднократно участвовавших в боях. Бывает, что у такого быка на счету свыше десяти человеческих жизней. Деревни и поселки, где устраиваются капеа, не имеют средств на сооружение арены, поэтому там просто вокруг площади ставят повозки, чтобы отрезать пути отступления, а зрителям продают толстые заостренные колья, которыми пользуются пастухи и скотоводы, так что они могут загнать струсившего любителя обратно на площадь или избить, если он попытается бежать.

До двадцати пяти лет Чикуэло-второй был звездой капеа. Пока все известные матадоры времен Манолето и после него выходили против полубыков и трехлеток с подпиленными

рогами, он учился убивать семилеток, чьи рога были нетронуты. Многие из этих быков дрались не впервые и потому были опаснее любого дикого зверя. Чикуэло выходил на бой в деревнях, где не имелось ни лазаретов, ни больниц, ни хирургов. Чтобы выжить, он должен был хорошо знать быков и уметь, работая почти вплотную к ним, увертываться от рогов. Он знал, как можно уцелеть в бою с быком, которому ничего не стоило забодать его, и он научился всем эффективным приемам, всем показательным трюкам. Он также научился мастерски убивать быка и виртуозно владеть мулетой, заставляя быка очень низко опускать голову в последний момент, что при маленьком росте Чикуэло было насущно необходимо. Он был беспредельно храбр, а кроме того, ему отчаянно везло. Ему везло постоянно – до прошлой зимы, когда он сгорел в потерпевшем аварию самолете.

В тот год он вернулся на арену, потому что все, кроме боя быков, казалось ему пресным. Он ушел с арены потому, что знал, – как бы ни везло, нельзя до бесконечности искушать судьбу. А вернулся из-за того, что ничто иное не радовало по-настоящему. И еще, как водится, соблазнили деньги.

Ему достался хороший бык, достаточно крупный, чтобы по сравнению с его собственной миниатюрной фигурой казаться огромным. Рога были основательные, и Чикуэло-второй продемонстрировал свое справедливо прославленное умение уцелеть на арене, работая так близко к быку, как не сумел бы никто другой без риска быть изувеченным. Он работал умело, полагаясь на свою молниеносную реакцию и феноменальное везение, проделал один за другим положенные пассы и все известные показательные трюки, и проделал их хорошо. Куда опаснее было бы работать дальше от быка, но по всем правилам классической школы, однако этого никто не замечал, и Чикуэло-второй поворачивался к быку спиной и, поглядывая на публику, пропускал его под вытянутой правой рукой, чтобы публика вспомнила Манолето, который вместе со своим антрепренером открыл новую эру в искусстве боя быков – эру пышного расцвета и глубочайшего падения, а потом был убит на арене и после смерти стал полубогом, навеки оградив себя от критики.

Чикуэло-второй заслуженно пользовался любовью зрителей. Он был свой для них, и он показывал им то, что они привыкли считать настоящим боем быков, и показывал в работе с полноценным быком. Для этого требовалось везенье, а также мастерство и абсолютная храбрость. Когда он вонзил шпагу в первый раз, она наткнулась на кость, но со второго удара вошла до отказа, и, опираясь на эфес, он стоял почти между рогами, пока мертвый бык не рухнул на песок.

Президент присудил ему оба уха, и он, сдержанно улыбаясь, обошел арену. Мне приятно мысленно видеть его таким, каким он был в то лето, и ни к чему думать о том, что случилось, когда счастье изменило ему.

Хаиме Остос в тот день выступал плохо. Правый глаз у него был подбит, сильно заплыл и слезился. Остос едва видел им и то и дело протирал его. Он, как всегда, очень старался и работал хорошо, но из-за поврежденного глаза убить быка ему удалось с трудом.

Второй бык Антонио был красивый, с черной, лоснящейся шкурой, с отличными рогами и храбрый. Он стремительно выбежал на арену, и я понял, что Антонио хочет сразу перехватить его. Как только Антонио ступил на песок, держа плащ наготове, из рядов на солнечной стороне, слева от нас, выскочил матадор-любитель – ловкий, красивый парень в кепке, светлой рубашке и синих штанах, перемахнул через барьер и растянул перед быком мулету. Феррер, Хони и Хуан – бандерильеро Антонио – кинулись к нему, чтобы увести и передать полиции, прежде чем бык забодает его и тем самым станет негодным для боя, но парень, пользуясь естественной живостью быка, успел все же проделать несколько эффектных пассов, в то же время увертываясь от троих быстроногих преследователей, спешивших убрать его с арены. Ничто не может так быстро и непоправимо испортить быка для работы матадора, как внезапное вмешательство со стороны.

Каждый пасс матадора – урок для быка, и искусный матадор не делает ни единого взмаха плащом, который не имел бы определенной цели. Если бык кого-то забодает в самом начале боя, тем самым рушится основная предпосылка профессиональной корриды: матадор

– первый пеший человек, с которым бык сталкивается на арене. Но я смотрел на Антонио, и видел, как он следит за ловкой работой парня, и понял, что Антонио ничуть не обеспокоен, хотя это вмешательство и грозило ему провалом. Он изучал быка и с каждым его движением лучше узнавал его.

Наконец Хони и Феррер схватили парня, и он покорно вернулся к барьеру, Антонио, с плащом в руках, подбежал к нему, что-то быстро проговорил и крепко обнял. Потом он вышел на середину арены и занялся быком. Теперь он знал его, успел изучить досконально.

Первые вероники Антонио – плавные, медлительные – были образцом изящества. Зрители чувствовали, что сейчас они видят работу, какой никогда не видели, и что в ней нет фальши. Никогда не бывало, чтобы матадор не только простил, но и обласкал человека, который легко мог испортить ему быка, и теперь они оценили по достоинству все то, что видели, когда Антонио работал с первым быком, но чего тогда не оценили. Никто еще с таким совершенством не действовал плащом, как Антонио в тот день. Он подвел быка к пикадору – одному из братьев Салас – и сказал:

– Береги его и делай то, что я велю.

Бык, сильный и храбрый, почувствовав укол метко нацеленного копья, стремительно кинулся на лошадь; Антонио увел его плащом и опять проделал несколько плавных, размеренных вероник. При втором уколе копьем бык опрокинул лошадь и прижал пикадора к доскам барьера.

Хуан, брат Антонио и его главный бандерильеро, настаивал, что нужно еще два заставить быка кинуться на лошадь, чтобы утомить мускулы шеи, тогда голова опустится ниже и легче будет убить его.

– Не учи меня, – сказал Антонио. – Он нужен мне такой, какой есть.

Антонио знаками испросил у президента разрешения перейти к бандерильям. После того как в быка вонзили одну-единственную пару бандериллий, он испросил разрешения опять вернуться к мулете.

Мулетой он действовал так мягко, просто и пластично, что каждое движение его казалось изваянным. Он проделал один за другим все классические приемы, а затем постарался еще изощрить их, придать им еще большую чистоту линий и вместе с тем увеличить риск, слегка придвигая локоть к туловищу, чтобы как можно ближе пропустить быка мимо себя. Бык был крупный, неиздерганный, сильный и храбрый, с хорошими рогами, и Антонио показал публике совершенный образец классической фазны.

Когда работа с мулетой была окончена и оставалось только убить хорошо подготовленного быка, Антонио вдруг точно с ума сошел. Он начал проделывать показательные трюки в духе Манолето, какие только что проделывал Чикуэло, второй матадор, словно хотел сказать публике, что если уж такая работа ей по вкусу, то пусть посмотрит, как это нужно делать. Он стоял против быка в том месте арены, где последний бык, кидаясь на лошадь пикадора, взрыхлил песок. Когда Антонио, повернувшись спиной к быку, делал так называемую гиральдиллю, бык оступися, его правая задняя нога заскользила и правый рог вошел в левую ягодицу Антонио. Нет более прозаического и в то же время более опасного места для раны, и Антонио знал, что сам навлек на себя беду, знал, что рана тяжелая, что, быть может, у него не хватит сил убить быка и загладить свой промах. Бык сильно ударил его – я видел, как вошел рог, как подбросило Антонио. Но он удержался на ногах и не упал. Он прижался поясницей к красным доскам барьера, словно пытаясь остановить кровь, струей бежавшую из раны. Я смотрел только на Антонио и не видел, кто увел быка. Маленький Мигелильо первым перепрыгнул через барьер и уже поддерживал Антонио под руку, когда Доминго Домингин и брат Антонио, Пеппе, выскочили на арену. Все видели, что рана серьезная, все трое – антрепренер, брат и служитель – вцепились в него, пытаясь увести его в лазарет. Антонио яростно потряхнул их с себя и сказал Пеппе:

– И ты смеешь носить имя Ордоньес?

Он пошел к быку, истекая кровью и кипя от ярости. Я уже и раньше видел, как он злится на арене, – очень часто во время работы, безотчетно упиваясь боем, он вместе с тем

чуть не задыхался от злости. Сейчас он решил убить быка, убить так, что лучше нельзя, и он знал, что должен сделать это как можно скорей, пока он не изошел кровью и не потерял сознания.

Он поставил быка перед собой, низко, очень низко опустил мулету, нацелился, всадил шпагу в самую высокую точку между лопатками быка и выпрямился над правым рогом. Потом он поднял руку и приказал быку принять смерть, которую он, Антонио, вложил в него.

Он стоял против быка, истекая кровью, никому не позволяя подойти, пока бык не зашатался и не рухнул на песок. Он стоял один, истекая кровью, потому что никто из близких не решался подойти к нему после его гневных слов, пока президент в ответ на крики размахивающих платками зрителей не подал знак, разрешая отрезать быку оба уха, хвост и копыто. Пробираясь сквозь толпу к выходу, ведущему в лазарет, я видел, как он стоит, истекая кровью, и ждет, чтобы ему вручили трофеи. Потом он повернулся, намереваясь обойти арену, ступил два раза и упал на руки Ферреру и Доминго. Он был в полном сознании, но знал, что истекает кровью и больше уже ничего сделать не может. Сегодняшний бой окончен, и нужно готовиться к следующему.

В лазарете доктор Тамамес исследовал рану, удостоверился, насколько она серьезна, сделал все необходимое, закрыл рану и срочно отправил Антонио на операцию в Мадрид, в больницу Рубера. За дверью лазарета стоял тот парень, что спрыгнул на арену в начале боя, и плакал.

Когда мы приехали в больницу, Антонио только успел проснуться после операции. Рана оказалась глубокой. Рог вошел на шесть дюймов в мясо левой ягодицы, едва не задев прямую кишку, и прорвал мышцы до седалищного нерва. Доктор Тамамес сказал мне, что на одну восьмую дюйма правее – и рог проник бы в кишечник. На одну восьмую глубже – и он задел бы седалищный нерв. Тамамес открыл рану, вычистил ее, привел все в порядок и зашил, оставив отверстие для дренажной трубки, снабженной часовым механизмом, который так громко тикал, что казалось – это стучит метроном.

Антонио уже не раз слышал это тиканье. Сегодняшняя рана была двенадцатая по счету. Лицо его было серьезно, но глаза улыбались.

– Эрнесто, – сказал он, выговаривая мое имя по-андалузски – «Айрнехто».

– Очень больно?

– Пока не очень, – ответил он. – Зато после.

– Не разговаривай, – сказал я. – Лежи спокойно. Маноле говорит, все будет хорошо. Раз уж суждено, лучшего места для раны не придумаешь. Я все тебе передам, что он мне скажет. А теперь я пойду. Ты только не волнуйся.

– Когда ты придешь?

– Завтра, когда ты проснешься.

Кармен все время сидела у постели Антонио и держала его за руку. Она поцеловала его, и он закрыл глаза. Он еще не очнулся по-настоящему, и, как он говорил, настоящие боли еще не начались.

Кармен вышла вместе со мной из палаты, и я рассказал ей, что мне говорил Тамамес. Отец ее был матадором. Три ее брата были матадорами, и она была женой матадора. Красивая, милая, любящая, она не теряла присутствия духа в минуты любых тревог и опасностей. Самое страшное было позади, теперь ей предстоял тяжелый труд сиделки. Этот труд ежегодно выпадал ей на долю, с тех пор как она вышла за Антонио.

– Как же это случилось? – спросила она.

– По глупости. Этого не должно было случиться. Зачем он становился спиной?

– Скажите ему.

– Он и сам знает. Незачем ему говорить.

– Все-таки скажите ему, Эрнесто.

– Зачем он состязается с Чикуюэло? – сказал я. – Бессмысленно состязаться с тем, что уже стало историей.

– Знаю, – сказала она, и я понимал, что она думает о том, что очень скоро ее муж будет состязаться с ее любимым братом и это состязание войдет в историю. Я вспомнил, как три года назад, когда мы обедали у них, об этом зашел разговор за столом и кто-то сказал, как это было бы замечательно и сколько бы принесло денег, если бы Луис Мигель вернулся на арену и выступил mano a mano с Антонио.

– Молчите, – сказала она тогда. – Они убили бы друг друга.

Билл Дэвис и я оставались в Мадриде до тех пор, пока врач не сказал, что Антонио вне опасности. Рана действительно начала болеть наутро после операции, боль все усиливалась, и выносить ее было выше человеческих сил. Дренажная трубка отсасывала выделения, но сквозь повязку прощупывалась твердая опухоль. Я терзался, глядя на муки Антонио, и не хотел видеть, как он страдает и как старается превозмочь боль, не отдаться ей во власть, а она бушевала, словно штормовой ветер. Если измерять боль по шкале Бофорта, как любят делать в нашей семье, то она достигла десяти баллов, а пожалуй, и всех двенадцати в тот день, когда мы ждали Тамамеса, который должен был снять повязку, наложенную семьдесят два часа тому назад. Только тогда можно узнать, идет ли дело на лад или нет, – не считая возможных осложнений. Если не началась гангрена и рана чистая – дело идет на лад, и после такого ранения матадор может выступить через три недели и даже раньше, в зависимости от силы духа и степени тренировки.

– Где же он? – спросил Антонио. – Он обещал прийти в одиннадцать.

– Он на другом этаже, – ответил я.

– Если бы только этот прибор не тикал, – сказал Антонио. – Я все могу вынести, только не это тиканье.

Раненым матадорам, которые должны как можно скорей выйти на арену, дают минимальные дозы болеутоляющих средств. Считается, что им вредно все, что влияет на их реакцию и нервную систему. В американской больнице Антонио, вероятно, был бы избавлен от боли; ее глушили бы наркотиками. В Испании просто-напросто считают, что мужчине полагается терпеть боль. Над тем, не вреднее ли для нервной системы боль, чем лекарство, которое утолило бы ее, здесь не задумываются.

– Нельзя ли дать ему хоть снотворное? – спросил я Маноло Тамамеса.

– Я вчера дал ему на ночь порошок, – сказал Тамамес. – Он матадор, Эрнесто.

Верно – Антонио матадор, а Маноло Тамамес превосходный врач и преданный друг, но когда своими глазами видишь применение этой теории на практике, она кажется несколько жестокой.

Антонио просил меня не уходить.

– Тебе хоть немного легче?

– Болит, Эрнесто, очень болит. Может, он хоть трубку вынет, когда снимет повязку. Как ты думаешь, где он?

– Я сейчас пошлю искать его.

День выдался ясный, нежаркий, с Гвадаррамы дул приятный прохладный ветер, и в затемненной палате тоже было прохладно, но Антонио весь покрылся испариной от боли, и его посеревшие губы были плотно сжаты. Он не хотел разжимать их, и только глаза его настойчиво призывали Тамамеса. Мигелильо отвечал на телефонные звонки. Мать Антонио, красивая, смуглая, очень полная, с гладко зачесанными волосами, то входила, то выходила, то садилась в угол и обмахивалась веером, то присаживалась у постели сына. Кармен либо сидела у постели Антонио, либо выходила в соседнюю комнату, к телефону. В коридоре стояли или сидели пикадоры и бандерильеро. Приходили посетители, оставляли записки, визитные карточки. Мигелильо никого, кроме родных, не пускал в палату.

Наконец Тамамес явился в сопровождении двух медицинских сестер и выпроводил всех, кому не следовало присутствовать при перевязке. Как всегда, он был бодр, весел и грубоват.

– Ну, что с тобой? – сказал он Антонио. – По-твоему, у меня нет других пациентов?

– Идите сюда, – сказал он мне. – Уважаемый коллега. Стойте здесь. А ты

поворачивайся на живот. Ни меня, ни Эрнесто тебе бояться нечего.

Он разрезал повязку, снял марлевую накладку и, быстро понюхав ее, передал мне. Я тоже понюхал и бросил повязку в таз, подставленный сестрой. Гнилостного запаха не было. Тамамес посмотрел на меня и широко улыбнулся. Рана оказалась чистой. Края четырех длинных швов слегка воспалились, но, в общем, все было хорошо. Тамамес отрезал резиновую трубку, оставив в ране только небольшой кусок.

– Больше не будет тиканья, – сказал он. – Можешь успокоить свои нервышки.

Он быстро осмотрел рану, промыл ее и, наложив повязку, с моей помощью прилепил ее пластырем.

– Теперь слушай: ты хныкал, что тебе больно. Всем прожужжал уши, – сказал он. – Так вот – повязка требовалась тугая. Понятно тебе? Рана опухает. Иначе быть не может. Нельзя всадить в себя эту штуку толщиной с ручку мотыги, чтобы она все там расковыряла, и обойтись без раны, которая болит и опухает. От тугой повязки боль усиливается. Теперь повязка не жмет, правда?

– Да, – сказал Антонио.

– Так чтобы я больше не слышал, что тебе больно,

– Вам-то не было больно, – сказал я.

– Так же, как и вам, – сказал Тамамес. – К счастью.

Мы с ним отошли в угол, уступив место у постели родным Антонио.

– Это надолго, Маноло? – спросил я.

– Если не будет осложнений, через три недели он сможет выступить. Рана глубокая, повреждения серьезные. Жаль, что он так мучился.

– Очень мучился.

– Он поедет на поправку к вам в Малагу?

– Да.

– Отлично. Я отправлю его, как только он сможет передвигаться.

– Если он будет чувствовать себя хорошо и температура не поднимется, я уеду завтра вечером. У меня куча работы.

– Отлично. Я скажу вам, может ли он ехать с вами.

Я ушел, сказав, что зайду вечером. Мне хотелось выйти с Биллом на свежий воздух, на шумные улицы. Мы знали, что теперь все будет хорошо. Вокруг постели Антонио собрались родные и друзья, и мне не хотелось им мешать. Было самое время идти в музей Прадо. Там разное освещение в разные часы дня.

Я думал о том, что уже давал себе слово не дружить ни с одним матадором, пока он не уйдет с арены, но и это мое здравое намерение постигла та же участь, что и остальные. В вестибюле больницы я столкнулся с матадором, из-за которого когда-то принял такое решение. В то утро он показался мне очень старым и морщинистым. Это был отец Антонио, и он сказал мне:

– Все хорошо, правда?

– Да. Рана отличная, чистая.

– Я стоял возле тебя, когда ее открыли.

– А я тебя не заметил.

– Да, – сказал он. – Мы оба смотрели на рану.

Когда Антонио и Кармен вышли из самолета на приветливом маленьком аэродроме в Малаге, он тяжело опирался на палку, и мне пришлось помочь ему пройти через зал ожидания и сесть в машину. Прошла неделя с тех пор, как я простился с ним в больнице. И он и Кармен смертельно устали от поездки, и после ужина в тесном кругу я помог отвести его в отведенную им спальню.

– Ты ведь рано встаешь, Эрнесто? – спросил он. Я знал, что он спит до полудня, а то и позже во время гастрольных поездок.

– Да, но ты встаешь поздно. Спи, сколько спится, и хорошенько отдохни.

– Я хочу выйти вместе с тобой. На ферме я всегда встаю рано.

Утром – трава в саду еще была мокрая от росы – он один, опираясь на палку, поднялся по лестнице и прошел по коридору до моей комнаты.

– Хочешь пройтись? – спросил он.

– Хочу.

– Так идем, – сказал он. Палку он положил на мою кровать. – Палке конец, – сказал он. – Оставь ее себе.

Мы гуляли с полчаса, и я бережно поддерживал его под локоть, чтобы он не упал.

– Вот это сад, – сказал он. – Больше мадридского Ботанико.

– А дом чуть поменьше Эскуриала. Зато тут нет погребенных королей, можно пить вино, и даже петь разрешается.

Почти во всех испанских кафе и тавернах висит объявление: «Петь не разрешается».

– Будем петь, – сказал он. Мы еще погуляли, пока я не решил, что с него довольно. И тут он сказал: – Я привез тебе письмо от Тамамеса, там сказано, какое мне нужно лечение.

Я подумал, что, может быть, прописанные лекарства и витамины найдутся у нас, а нет, так я достану их в Малаге или съезжу за ними в Гибралтар.

– Вернемся в дом, я прочту письмо, и мы сразу приступим к лечению. Незачем терять время.

Я остался в прихожей, а он пошёл в свою комнату, стараясь не хромать, но держась одной рукой за стену. Через несколько минут он принес мне маленький конвертик, на котором стояло мое имя. Я вскрыл конвертик, вынул визитную карточку и прочел: «Уважаемый коллега. Сдаю на ваше попечение моего пациента Антонио Ордоньеса. Если вам придется его оперировать, то *con mano duro* (да не дрогнет у вас рука). Ваш Маноло Тамамес».

– Ну как, Эрнесто? Приступим к лечению?

– Я полагаю, что не мешало бы выпить по стаканчику кампаньяс, – сказал я.

– Ты думаешь, это полезно? – спросил Антонио.

– Рановато, конечно, в такой час. Но в качестве послабляющего можно.

– А купаться будем?

– Только после полудня, когда вода потеплеет.

– Может быть, холодная вода принесет пользу.

– А может быть, ты застудишь горло.

– Ничего, я не застужу. Пошли купаться.

– Мы пойдем, когда вода нагреется от солнца.

– Ну ладно. Давай погуляем. Расскажи мне, что нового. Хорошо тебе писалось это время?

– Иногда очень хорошо. Иногда похуже. День на день не приходится.

– И у меня так. Бывают дни, когда совсем не можешь писать. Но люди заплатили, чтобы поглядеть на тебя, вот и стараешься изо всех сил.

– В последнее время ты неплохо писал.

– Да. Но ты понимаешь, о чем я говорю. И у тебя бывают дни, когда нет этого самого.

– Да. Но я все-таки что-то выжимаю из себя. Заставляю работать мозги.

– И я так. Но как чудесно, когда пишешь по-настоящему. Лучше всего на свете.

Он очень любил называть свою работу писательством.

Мы обычно говорили о многом и разном: о месте художника в мире, о технике мастерства и профессиональных секретах, о финансах, иногда о политике и экономике. Случалось нам говорить и о женщинах, даже часто случалось, о том, что мы должны быть примерными мужьями, и еще мы иногда говорили о чужих женщинах, не наших, и о своих повседневных житейских делах и заботах. Мы разговаривали все лето и всю осень, по пути с корриды на корриду, и за обеденным столом, и в любое время, когда Антонио отдыхал или поправлялся после раны. Мы придумали с ним веселую игру: оценивать людей с первого взгляда, как быков, привезенных для боя. Но это все было позже.

В тот первый день в «Консуле» мы просто болтали и шутили, радуясь тому, что рана Антонио заживает и силы его восстанавливаются. Он немного поплавал, но рана его еще не совсем закрылась, и я сделал ему перевязку. На второй день он уже не хромал и наступал на больную ногу осторожно, но твердо. С каждым днем он чувствовал себя лучше и крепче. Мы ходили, купались, упражнялись в стрельбе в оливковой роще за конюшней, хорошо тренировались, хорошо ели и пили и отлично проводили время. Потом он пересолил – вздумал в ненастный день поехать искупаться в море, от сильной волны шов немного разошелся, и в рану попал песок, но я видел, что она в отличном состоянии, и только промыл ее, наложил повязку и наклеил пластырь.

Антонио и Кармен прочли мои романы и рассказы, которые были переведены на испанский язык, и он хотел поговорить о них со мной. Когда он обнаружил, что почерк у меня такой же скверный, как у него самого, он стал усиленно упражняться в каллиграфии и заявил, что Билл Дэвис, у которого был замечательный почерк и огромная библиотека, мой «негр» и что все мои книги на самом деле написаны им.

– Эрнесто совсем не умеет писать, – говорил он. – Мэри приходится все переписывать на машинке и переделывать. Мэри – женщина образованная, культурная, вот она и помогает ему. А Билл его негр. Эрнесто рассказывает ему всякие истории, когда они едут в город или еще куда-нибудь, а потом негр записывает их. Теперь я понял всю вашу механику.

– Неплохая механика, – сказал я. – И машину водить мой негр тоже умеет.

– Я расскажу тебе очень страшные истории, просто чудовищные. Потом ты перескажешь их негру, а он уж обработает их. Мы подпишемся под ними оба, а деньги пойдут в общий фонд нашей фирмы.

– Как бы мой негр не надорвался, – сказал я. – А то еще ночью уснет за баранкой.

– Мы накачаем его черным кофе и витаминами, – сказал Антонио. – И, пожалуй, лучше сначала продавать нашу писанину под одним твоим именем, пока мое еще не прославилось в литературе. Как идут наши дела под твоим именем?

– Помаленьку.

– Верно, что нам могут только один раз присудить эту шведскую премию?

– Верно, – сказал я.

– Какая несправедливость, – сказал Антонио.

За то время, что Антонио оправлялся от раны, Луис Мигель выступал четыре раза, и по всем отчетам выходило, что он превзошел самого себя. Я был занят Антонио и своей работой и не следил за тем, каковы были рога у его быков. В Малаге тогда не оказалось ни одного из близких знакомых, у кого я мог бы это проверить. Я виделся с Мигелем и говорил с ним, когда после своего шумного успеха в Гренаде он приехал навестить Антонио в больнице, и мне очень хотелось увидеть его на арене. Я обещал ему, что мы приедем в Альхесирас, где он должен был выступать дважды.

Мы приехали в Альхесирас в ясный ветреный день по чудесной прибрежной дороге. Я беспокоился, что ветер затруднит работу матадоров, но арена в Альхесирасе сооружена с таким расчетом, чтобы защитить ее от порывистого восточного ветра, который здесь называют леванте. Этот ветер – бич прибрежной Андалузии, такой же, как мистраль для Прованса, но матадоры не тревожились, хотя флаг на верхушке цирка сильно трепало.

Все сказанное в отчетах о Луисе Мигеле подтвердилось. Он был горделив без высокомерия, спокоен, держался непринужденно и уверенно руководил боем. Приятно было видеть, как он всем распоряжается и с каким мастерством работает. Он вел себя на арене так же естественно и свободно, как у бассейна на Кубе, где мы с ним болтали, отдыхая после купания, в ту пору, когда он не выступал. Но в нем чувствовалась безраздельная и уважительная поглощенность своей работой, которая отличает всех великих художников.

Плащом он работал лучше, чем когда-либо на моей памяти, хотя его вероники не взволновали меня. Но я восхищался обильем и разнообразием его приемов. Все они были необычайно искусны и выполнены виртуозно.

Он был отличным бандерильеро и воткнул три пары бандериллий с не меньшим блеском, чем лучшие мастера этого дела. Он не фальшивил и не позировал. Он не бежал к быку через всю арену, а с самого начала привлекал его внимание и с геометрической точностью ставил его в нужное положение, а когда бык, нагнув голову, нацеливался рогом, поднимал руки и безошибочно втыкал палочки в надлежащее место. Смотреть, как он действует бандерильями, было истинное наслаждение.

Его работа с мулетой была очень интересна и эффектна. Он отлично проделал классические пассы и показал еще множество приемов всевозможных стилей. Убил он очень искусно, не подвергая себя чрезмерной опасности. Я понимал, что при желании он мог бы убить с подлинным мастерством. Я также понимал, почему долгие годы он считался матадором номер один в Испании и во всем мире, – так испанцы оценивают своих матадоров. И еще я понимал, каким опасным соперником он будет для Антонио, но после того, как я увидел работу Луиса Мигеля с обоими быками, я уже ничуть не сомневался в исходе состязания. Эта уверенность особенно укрепилась во мне, когда Луис Мигель, подготовив быка к смертельному удару, отбросил мулету и шпагу и, безоружный, осторожно стал на колени в поле зрения быка перед самыми рогами.

Публика была в восторге, но когда Луис Мигель повторил свой трюк, я понял, как это делается. И еще кое-что другое я заметил. У быков Луиса Мигеля рога были подпилены, потом оструганы, чтобы придать им естественную форму, и я даже заметил глянец машинного масла, которым смазывают кончики рогов, чтобы скрыть произведенную манипуляцию и придать им видимость естественного блеска. На взгляд рога были отличные, если не уметь разбираться в них. Конечно, я мог и ошибиться, но так или иначе, Луис Мигель был в превосходной форме, он был великий матадор наивысшего класса, он обладал огромным опытом, огромным обаянием на арене и вне ее, – словом, он был очень опасным соперником. Он показался мне разве что чуточку слишком усталым – а ведь сезон еще только начался и обещал быть очень напряженным. Но он был великолепен на арене и работал великолепно. Однако я знал, что в этой стадии единоборства у Антонио было одно несомненное преимущество. Он выходил в Мадриде против быков, к рогам которых никто не прикасался, и в Кордове я видел, как он убил быка с громадными рогами. А рога у быков Луиса Мигеля с самого начала показались мне подозрительными. Сведующие люди, сидевшие возле нас, высказывали сомнения по поводу рогов, но им было все равно: они пришли ради зрелища. Дельцам, причастным к бою быков, тоже было все равно. Большинство публики вообще не выражало своего мнения. Мне было не все равно, потому что, глядя на Луиса Мигеля, я понимал, что при таком чутье, при таком глубоком знании своего дела он мог бы справиться с любым быком и достигнуть совершенства истинно великих матадоров, – быть может, самого Хоселито. Но длительная практика боев с ослабленными быками мало-помалу делает его непригодным для боя с настоящим быком. Я не думал, что Антонио ожидает верная победа. Кто знает, не отразится ли рана на его душевном состоянии? Но после того, что я видел – если только я не обманулся, – я считал, что шансы Антонио поднимаются.

На афише значились еще два матадора: местный парень по прозвищу «Мигелин», коренастый, с копной густых волос, очень смелый и веселый, и Хуан Гарсиа, прозванный «Мондено», высокий, худощавый юноша, который работал с таким безмятежным спокойствием, так сдержанно и скромно, словно это был не бой быков, а католическая месса, которую он служит во сне. Он и Диего Пуэрта были лучшими молодыми тореро прошлого сезона.

Я старался быть предельно беспристрастным в моих оценках Луиса Мигеля и Антонио, но их соперничество принимало характер междоусобной войны, и сохранять нейтралитет становилось все трудней. Убедившись в несравненном и многостороннем таланте Луиса Мигеля, увидев, что он в отличной форме, я предугадывал, что ожидает Антонио, когда начнутся их совместные выступления.

Луису Мигелю нужно было удержать свое первенство. Он претендовал на первое место среди матадоров, и он был богат. Это было немаловажное обстоятельство, однако он искренне любил бои быков и на арене забывал о своем богатстве. Но он хотел, чтобы все шансы были на его стороне. Кроме того, он хотел, чтобы ему платили за выход больше, чем Антонио, что и явилось причиной их взаимного ожесточения. Антонио был отчаянно самолюбив. Он твердо верил, что он более великий матадор, чем Луис Мигель, и не со вчерашнего дня. Он знал, что может быть великим на арене, каковы бы ни были рога у быков. Луису Мигелю платили больше, чем Антонио, а я знал, что если так будет, когда они выступят совместно, то Антонио развернется вовсю, и уж ни у кого, и прежде всего у Луиса Мигеля, не останется сомнений, кто из них более велик. Антонио либо умрет, либо добьется этого, а умирать у него не было никакой охоты.

Состязание между Луисом Мигелем Домингином и Антонио Ордоньесом началось на арене в Сарагосе. Быки были с фермы Гамеро Сивико. Все, кто увлекался боем быков и мог оплатить проезд, собрались здесь. Приехали все мадридские спортивные обозреватели, а в обеденное время в «Гранд-отеле» толпились скотоводы, посредники, аристократы, титулованные особы, бывшие барышники и все немногочисленные поклонники Антонио. Поклонников Луиса Мигеля было много – политические деятели, чиновники и военные. Мы с Биллом поели в небольшой таверне, куда он меня привел, потом поднялись в номер к Антонио, и он показался нам бодрым, но слегка отчужденным. Когда он вот так двигал головой, словно у него шея плохо гнется, и говорил с чуть более заметным андалузским акцентом, я сразу угадывал, что он на кого-то злится. Он сказал нам, что спал хорошо. Мы условились после боя отправиться в Теруэль и там пообедать. Я сказал, что мы с Биллом поедем прямо из цирка, иначе Антонио на своем «мерседесе» обгонит нас. Всё это слишком живо напоминало мне наш разговор перед боем в Аранхуэсе, но Антонио именно этого и хотел. Прощаясь с нами, он весело улыбнулся и подмигнул мне, словно между нами была какая-то тайна. Не скажу, что он нервничал, но все-таки он немного волновался. Я зашел в номер Луиса Мигеля и пожелал ему хороших быков. Он тоже немного волновался.

День был жаркий, июньское солнце припекало. Первый бык Луиса Мигеля, сильный и напористый, очень решительно кидался на пикадоров. Луис Мигель увел быка приемом китэ и в работе с плащом показал то же искусство, ту же горделивую властность, что и в Альхесирасе, где мы видели его бой с быками Пабло Ромеро. От второго пикадора быка увел Антонио. Он увел его на середину арены и проделал все пассы так медленно и плавно, стоя так близко к быку и держась так прямо и вольно, что под конец уже казалось, будто на твоих глазах происходит невозможное. И зрители и Луис Мигель сразу поняли, на чьей стороне превосходство в работе с плащом.

Луис Мигель отлично воткнул две пары бандериллий, а третью – блистательно: подождав к себе быка, он дождался его, не сходя с места, в последнюю долю секунды отклонился вправо, спустил палочки и выпрямился. Он был изумительный бандерильеро.

Взяв в руки мулету, он быстро подчинил себе быка, подготовленного долгой и отличной работой. Но чародейства не было. После китэ, которое проделал Антонио с его далеко не легким быком, он словно потускнел. Он дважды заносил шпагу неудачно, и в его движениях не было решительности. В третий раз он нацелился лучше, шпага вошла наполовину, Луис Мигель искусно заставил быка нагнуть голову еще ниже, и, когда бык ткнулся мордой в опущенную до самого песка мулету, он вонзил острие дескабельо², и все было кончено. Публика приветствовала его, и он обошел арену кругом, чуть улыбаясь плотно сжатыми губами.

Первый бык Антонио хорошо вышел на арену. Антонио перехватил его и проделал все пассы, подходя все ближе и ближе, с каждым взмахом плаща все лучше применяясь к движениям быка и, по своему обыкновению, так томительно медленно, что у меня сердце останавливалось.

Антонио не дал пикадорам издергать быка, и после одной пары бандериллий он

возобновил свою виртуозную работу, прерванную месяц назад в Аранхуэсе. Он был такой же, как всегда. Тяжелая рана не нанесла ему ни малейшего ущерба. Она лишь многому научила его, и он с присущим ему изяществом и мастерством школил быка, превращая его в своего партнера, любовно помогая ему проходить как можно ближе, так что рог только-только не задевал матадора. Наконец, выжав из быка все, что тот мог дать, Антонио, перегнувшись через рога, одним ударом убил его. На мой взгляд, он всадил шпагу чуть ниже, чем полагается, но публика и президент остались довольны. Антонио присудили ухо.

И я и Билл вздохнули с облегчением. Антонио был все такой же, он вернулся на арену, словно никогда не покидал ее. Это было самое главное. Ни шок, ни перенесенные муки не повлияли на психику. Лицо его показалось мне слегка усталым, особенно глаза, но и только.

Второй бык Луиса Мигеля был разбит на ноги. Луис Мигель очень старался. Начал он хорошо, но у быка отвалилось копыто. Мигель попросил разрешения за свой счет заменить быка и выступить еще раз после Антонио. Потом он прикончил несчастное больное животное, а на арене появился последний бык Антонио.

После того как Антонио удачно убил быка, одним ударом вонзив шпагу до самого эфеса, на арену вышел бык, которым заменили второго быка Луиса Мигеля, – крупный, несколько тяжеловесный, с хорошими рогами и достаточно резвый. Луис Мигель работал в своей обычной манере. Он воткнул четыре пары бандериллий, не столь дорогих, как те, которые он пустил в ход с первым быком, но вполне добротных – от Мэйси. Мулетой он работал ловко, уверенно и спокойно. Потом он проделал все излюбленные публикой трюки, и проделал их отлично. Первый удар шпагой он нанес не очень уверенно. При второй попытке он нацелился лучше и точно попал в область сердца острием шпаги, до половины вошедшей в загривок. Потом Луис Мигель прикончил быка ударом дескабелью. Ему присудили оба уха и хвост.

Билл сказал:

– Сезон обойдется недешево Луису Мигелю, если ради того, чтобы затмить Антонио, он будет всякий раз выкладывать по сорок тысяч песет.

– Сегодняшний случай весьма знаменателен, – сказал я. – Луис Мигель очень и очень неглуп. Он отлично понял, что означает китэ Антонио с его быком. Этого он не забудет. Вот увидишь.

– К тому же Антонио всегда будет выступать после него, – сказал Билл. – Это тоже огромное преимущество.

– Придется нам последить, сколько будет замен, – сказал я. – Как бы их не было слишком много.

– Не думаю, что нам долго придется следить, – сказал Билл.

– И я не думаю.

В Памплону не следует ездить с женой. Все шансы за то, что она заболеет, порежется или ушибется, и уж по меньшей мере ее затолкают и обольют вином, а недолго и совсем потерять ее. Если какая-нибудь супружеская пара и могла безнаказанно побывать в Памплоне, так это Кармен и Антонио, но Антонио не взял Кармен с собой. Фиеста в Памплоне – мужское дело, а от женщин только жди беды, не потому, что они этого хотят, но так уж получается, что либо они что-нибудь натворят, либо сами попадут в беду. Когда-то я написал об этом книгу. Разумеется, если вы найдете женщину, которая говорит по-испански и поэтому не принимает шутки за оскорбление, способна день и ночь пить вино и танцевать со всяким, кому только вздумается ее пригласить, не возражает, когда на нее льется и сыплется всякая всячина, жить не может без непрерывного шума и оглушительной музыки, страстно любит фейерверк, особенно если ракеты падают совсем рядом или насквозь прожигают платье, не видит ничего нелепого в том, что вы рискуете попасть быку на рога

ради забавы и совершенно бесплатно, не простужается, когда мокнет под проливным дождем, обожает пыль и беспорядок, с удовольствием ест где и как попало, умеет обходиться без сна и без горячей воды и все же быть всегда свежей и чистой, – если вы найдете такую женщину, привозите ее. И тогда она скорее всего сбежит от вас к кому-нибудь получше.

Памплону, как всегда, бурлила, наводненная туристами и разношерстным людом, но было много и фешенебельной публики со всех концов Наварры. Целую неделю мы спали меньше четырех часов в сутки, да и то под дробь барабанов, пронзительные звуки дудок, высвистывающих старинные мелодии, и топот неутомимых танцоров. Я уже описал Памплону раз и навсегда. Там все осталось по-прежнему, только число туристов на сорок тысяч увеличилось. Когда я впервые был в Памплоне почти четыре десятилетия тому назад, там и двадцати приезжих не набралось бы. А теперь в иные дни, говорят, их чуть ли не сто тысяч. Но так как никто туристов не считает, то цифры называют самые разные.

Антонио выступал в Тулузе 5 июля, но он все же успел приехать вовремя к первому пробегу быков, который состоялся утром 7-го. Сам он в Памплоне выступать не должен был, потому что произошла какая-то путаница с ангажементом, когда он, в самом начале сезона, перешел от своего антрепренера к братьям Домингинам. Антонио любил фиесту в Памплоне и очень хотел погулять на празднике вместе с нами. Мы и погуляли. Мы гуляли без передышки пятеро суток. После этого он уехал в Пуэрто-де-Санта-Мария, где ему предстояло выступать 12 июля с Луисом Мигелем и Мондено. Но там Антонио постигла неудача, – впервые за весь год Луис Мигель затмил его на арене во время совместного выступления.

Впоследствии я спросил его, как это случилось. Он сказал, что Луису Мигелю достались быки получше, но и сам он работал много хуже, чем в предыдущих боях этого сезона.

– Мы плохо тренировались в Памплоне, – сказал я.

– Пожалуй, мы тренировались не совсем так, как нужно, – согласился он.

Мы не собирались тренироваться в Памплоне, но и не предвидели, что ранним утром один из быков Пабло Ромеро нападет на Антонио и ткнет его рогом в правую икру, а Антонио после перевязки и противостолбнячной прививки не будет обращать на рану внимания. Он танцевал всю ночь напролет, чтобы нога не одеревенела, а на другое утро опять бежал за быками, чтобы показать своим памплонским приятелям, что он отказался выступать у них не потому, что ему не понравились быки. Он даже ни разу не глянул на свою рану и не показал ее хирургу при цирке, чтобы никто не подумал, что он придает ей хоть малейшее значение, и чтобы не волновать Кармен. Когда немного спустя рана нагноилась, Джордж Сэвирс, врач из Сан-Вэлли, наш хороший знакомый, промыл ее, перевязал как следует, и делал это каждый день, а потом Антонио с еще не закрывшейся раной уехал на бой быков в Пуэрто-де-Санта-Мария.

Потом я узнал от друзей, что в Пуэрто у Луиса Мигеля действительно были идеальные быки, и работал он превосходно, а потом пустил в ход все свои трюки и даже поцеловал одного быка в морду. Антонио достались два никудышных быка, причем второй из них был очень опасен. Первого быка он убил неудачно, но из второго, очень трудного, он выжал все, что мог, и убил его с блеском, за что и получил в награду ухо. Мондено показал хороший класс с обоими своими быками, очень нелегкими, и за первого его тоже наградили ухом. Но героем дня был Луис Мигель.

Я задержался в Памплоне, потому что во время купанья в Ирати Мэри наткнулась на камень и сломала большой палец на ноге. Нога у нее сильно болела, и она ходила с трудом, тяжело опираясь на палку. Возможно, что мы все-таки хватили через край, гуляя на фиесте. В первый же вечер мы с Антонио заметили очень элегантный маленький автомобиль французской марки, в котором сидели двое, мужчина и очаровательная молодая девушка. Антонио, прыгнув на капот, остановил машину. С нами был и Пепе Домингин, и как только седоки вышли, мы объявили мужчине, который оказался французом, что он может идти, а

девушку мы берем в плен. И машину тоже возьмем, так как у нас затруднения с транспортом. Француз отнесся к этому весьма добродушно. Выяснилось, что девушка – американка, а он только провожает ее до гостиницы, где она должна встретиться со своей подругой. Мы сказали, что все устроим и *Vive la France et les pommes de terre frites*3.

Негр Билл, знавший все улицы Памплоны, разыскал подругу, – пожалуй, еще более очаровательную, чем первая пленница, и мы гурьбой отправились по разукрашенным флагами темным, узким улочкам старого города в кабачок, куда Антонио непременно хотел затащить нас, и там мы допоздна танцевали и пели. Потом мы отпустили наших пленниц на честное слово, и утром обе они, свежие, хорошенькие и нарядные, явились в бар Чоко, когда первые танцоры и барабанщики шли мимо, направляясь на площадь, и весь июль они не только не помышляли о побеге, но безропотно дали увезти себя в конце месяца на ферию в Валенсию. Любопытный получился месяц, можете мне поверить.

Захват хорошеньких пленниц не всегда встречает одобрение в семейном кругу, но наши были такие милые и уживчивые, так легко и весело переносили плен, что все жены радушно принимали их, и даже Кармен согласилась с нашим мнением, когда познакомилась с ними в «Консуле», где 21 июля мы справляли ее день рождения вместе с моим.

Тем временем мы нашли способ рассеивать угар фиесты и спастись от шума, который кое-кому из нашей компании действовал на нервы. Для этого мы с утра уезжали на берег реки Ирати, куда-нибудь за Аойс, гуляли, купались и возвращались в город только к бою быков. Следуя по течению этой прелестной, богатой форелью речки, мы с каждым днем забирались все глубже в дебри девственного леса Ирати, который ничуть не изменился со времен друидов. Я думал, там все вырублено и погублено, но нет, он такой же, как был, – последний большой лес средневековья, с огромными буками и вековым ковром мха, на котором так мягко, так чудесно лежать. С каждым днем мы все дальше и дальше забирались и все больше опаздывали на бой быков и в конце концов вовсе пропустили последнюю новильяду, проведя день в одном заповедном уголке, о котором я больше ничего не скажу, потому что мы надеемся еще туда вернуться и вовсе не желаем застать там полсотни легковых машин и джипов. Лесная дорога вывела нас почти ко всем тем местам, куда мы добирались пешком в годы, описанные мною в книге «И восходит солнце», – впрочем, в Ронсеваль и теперь иначе как пешком, карабкаясь по кручам, не доберешься.

Я так радовался, вновь обретая все эти места и найдя их непогубленными, что ни разные новшества в Памплоне, ни наводнявшие ее толпы не имели для меня значения. Мы отыскивали свои излюбленные кабачки вроде «Марсельяно» и, как в былое время, ходили туда по утрам, после епископа, завтракать, пить вино и петь песни; «Марсельяно», где деревянные столы и деревянные ступени лестницы вымыты и выскоблены до того, что сверкают чистотой, словно тиковая палуба яхты, если не считать пролитого на столах вина, но это лишь к украшению. Вино было так же приятно на вкус, как и тогда, когда нам было по двадцать лет, еда по-прежнему великолепная. Песни пелись те же, но были и новые, хорошие песни, с выкриками и притоптыванием под дудку и барабан. Лица, молодые когда-то, постарели, как и мое, но все мы очень хорошо помнили, какими мы были в те годы. Глаза остались прежними, и растолстеть никто не растолстел. Ни у кого не залегла горечь в углах рта, хотя глазам, быть может, пришлось повидать многое. Горькие складки в углах рта – первый признак поражения. Поражения здесь не потерпел никто.

Светская наша жизнь проходила в баре Чоко, под аркадами близ отеля, где когда-то был хозяином Хуанито Кинтана. Здесь, в этом баре, один молодой американский журналист выразил мне свое сожаление, что не мог быть с нами в Памплоне тридцать пять лет тому назад, когда я ездил по стране, и знакомился с народом, и знал испанцев, и болел душой за них, и за их родину, и за свою работу, а не растрчивал время в барах, напрашиваясь на льстивые похвалы, восхищая прихвостней своими остротами и раздавая автографы. Все это и еще многое в том же роде содержалось в письме, которое он мне написал после того, как я его выругал, потому что он не пришел за билетами на бои быков, раздобытыми мной для него у одного знакомого перекупщика. Журналисту было лет двадцать с небольшим, и в

двадцатые годы он бы так же рубил сплеча, как и в пятидесятые. Он не знал, что то, о чем он говорит, никуда не может деться, нужно только уметь это увидеть. Он этого не знал, и, когда он пытался корить меня Памплоной, на его красивом юношеском лице, у верхней губы, уже обозначались горькие черточки. То, о чем он говорил, никуда не делось и было открыто для него, но он не видел.

– Что вы с ним возитесь, с этим слизняком, – сказал Хотч. Хотч, иначе Эд Хотчнер, был наш давнишний приятель и уже месяц путешествовал вместе с нами, как и доктор Джордж Сэвирс.

– Он вовсе не слизьяк, – сказал я. – Он будущий редактор «Ридерс Дайджест».

– Пусть Джордж сделает ему укол, чтобы безболезненно отправить его на тот свет, – предложил Билл Дэвис.

– А в самом деле, Джордж, – сказал Хотч. – Подумайте, от скольких лет страданий вы его избавите.

– Напомните мне, где я живу, Хотч, – сказал Джордж. – Я тогда схожу и принесу все, что нужно. Может быть, еще кому-нибудь требуется укол?

– Не мешало бы заодно позаботиться об Антонио, – сказал Хотч. – Не заживает его рана.

– Антонио сегодня выступает в Пуэрто-де-Санта-Мария, – сказал Билл Дэвис.

– Черт побери, – сказал Джордж. – Надеюсь, он не забыл про присыпку, которую я ему дал.

После того как кончилось наше гулянье в Памплоне, Антонио дважды выступал во Франции, в Мон-де-Марсан, где имел большой успех, но быки, вероятно, были с подпиленными рогами, и он никогда не заговаривал со мной об этих боях. Из Франции он прилетел в Малагу, чтобы присутствовать при торжестве, которым Мэри решила отметить мой общий с Кармен день рождения. Торжество получилось пышное, и я, быть может, не осознал бы, что мне стукнуло шестьдесят, если бы Мэри не устроила все так хорошо и торжественно. Но тут уж нельзя было отмахнуться от этой мысли. Я предпочел бы не говорить о своем юбилее и сразу перейти к ферию в Валенсии, где началась смертельная схватка между Антонио и Луисом Мигелем. Но есть кое-что, о чем я непременно должен сказать.

Когда тяжелая рана, полученная Антонио в Аранхуэсе, зажила, мы стали очень беспечны – в лучшем смысле этого слова. Мы говорили о смерти без страха, и я высказал Антонио все, что думаю о ней, хотя это не имеет никакой цены, поскольку никто из нас ничего о ней не знает. Я мог искренне презирать смерть и даже иногда внушать это презрение другим, но мне-то она тогда не грозила. Антонио же сталкивался с ней изо дня в день, нередко по два раза в день и для встречи с ней приезжал издалека. Он ежедневно подвергал себя смертельной опасности, и стиль его работы был таков, что он сознательно продлевал угрозу смерти до невыносимых для нормального человека пределов. Чтобы выдержать это, ему нужны были железные нервы и абсолютное спокойствие. Он работал честно, без фальши, и исход боя для него полностью зависел от его умения распознавать опасность и предотвращать ее, подчиняя себе быка одним движением кисти руки, которою управляли его мышцы, его нервы, его реакция, зоркость, знание, чутье и мужество.

Если бы не точность и быстрота его реакции, он не мог бы так работать. Если бы мужество покинуло его хоть на малейшую долю секунды, он потерял бы власть над быком и бык забодал бы его. Кроме того, по прихоти ветра он мог в любую минуту остаться перед быком беззащитным, а это означало почти верную смерть.

Все это он знал, знал досконально и без самообмана, и наша задача заключалась в том, чтобы сократить до минимума время ожидания, оставляя его наедине со своими мыслями ровно на столько, сколько необходимо для психологической подготовки перед самым боем. Это и было наше участие в ежедневном свидании Антонио со смертью. Любой человек может иной раз без страха встретиться со смертью, но умышленно приближать ее к себе,

показывая классические приемы, и повторять это снова и снова, а потом самому наносить смертельный удар животному, которое весит полтонны и которое к тому же любишь, – это посложнее, чем просто встретиться со смертью. Это значит – быть на арене художником, сознающим необходимость ежедневно превращать смерть в высокое искусство. По меньшей мере дважды в день Антонио должен был убивать быстро и милосердно, вместе с тем предоставляя и быку все шансы нанести смертельный удар, когда Антонио, подняв шпагу, нагибался над его рогами.

Все участники корриды помогают друг другу во время боя. Вопреки соперничеству, зависти и вражде – нет на свете более тесного братства. Только матадоры знают, какая им грозит опасность, как жестоко может искалечить их физически и нравственно неудача на арене. Те, у кого нет истинного призвания, и во сне не забывают о быках. Но перед самым выходом на арену матадору никто помочь не может; поэтому мы только старались сократить время острой тревоги. «Тревога» – не совсем подходящее слово, я предпочел бы назвать это волнением, сдержанным, мучительным волнением.

Антонио всегда молился перед боем, после того как поклонники и болельщики уходили из его комнаты и он оставался один. Если еще было время, почти все мы по дороге в цирк заходили в часовню помолиться. Антонио знал, что я молюсь не о себе, а о нем. Мне не предстоял бой, а кроме того, я вообще никогда не молюсь о себе после гражданской войны в Испании, где столько страшного на моих глазах случилось с другими, что молиться о себе кажется мне теперь недопустимым эгоизмом.

Итак, мы всячески старались оставлять только минимальный срок для размышлений перед выходом на арену, а время между боями проводить как можно беспечнее. Уже и фиеста в Памплоне достаточно располагала к беспечности и бездумью, а наш праздник на вилле «Консула» тем более. Для нашего развлечения Мэри взяла напрокат ярмарочный тир и установила его в саду. Как-то в 1956 году Антонио видел, как я из охотничьего ружья, на порывистом ветру, отстреливал горящий кончик сигареты, которую держал в руке наш шофер, итальянец Марио, и отнесся к этому неодобрительно. Но на этот раз, в день моего рождения, Антонио держал сигарету во рту, когда я отстреливал столбик пепла. Я проделал этот опыт семь раз, стреляя из крохотных ружей тира, и с каждым разом Антонио затягивался сильнее, чтобы окурочек стал как можно короче.

Наконец он сказал:

– Пожалуй, хватит, Эрнесто. Еще один выстрел, и я останусь без губ.

Магараджа из Куч-Бихара тоже приобщился к этому безобидному развлечению. Сначала он проявлял осторожность – вставлял сигарету в мундштук, но очень скоро отбросил его, и стал затягиваться не хуже Антонио. Я набрал много очков, но отложил ружье и отказался стрелять в Джорджа Сэвирса, потому что он был единственным врачом в доме, а мы еще только начали веселиться. Ну и повеселились, можно сказать.

Пятая в этом сезоне встреча на арене Антонио и Луиса Мигеля состоялась во время четвертой корриды в Валенсии. Быки были с фермы Самуэла Флореса. Третьим матадором был Грегорио Санхес. День выдался пасмурный, гнетуще душный. В первый раз за ферию все билеты были проданы. Первый бык Луиса Мигеля оказался нерешительным, уже кинувшись, начинал тормозить и охотнее всего занимал оборонительную позицию. Мигель работал с ним старательно и умело. Бык упорно тыкался мордой в песок, а Мигель настойчиво заставлял его поднять голову, чтобы принять смертельный удар. С таким быком любой матадор намучился бы. Однако Луис Мигель убил его ловко и довольно быстро со второго раза. Это было не то, что публика хотела получить за свои деньги, но ничего другого Луис Мигель ей предложить не мог, и большинство зрителей это понимало и аплодировало ему. Он вышел на вызовы один раз и вернулся к барьеру злой, с плотно сжатыми губами.

Антонио показал все классические, по-настоящему опасные приемы, какие только можно проделать с быком, а потом исполнил все пассы сначала, еще лучше, еще виртуознее. Публика бешено аплодировала, и президент присудил ему оба уха.

Луис Мигель изо всех сил старался отыгаться на втором быке и потому становился на оба колена и взмахивал плащом, держа его в одной руке. Такой прием называется *larga cambiada*, он очень эффектен и красив, но это далеко не так опасно, как медленно пропускать мимо себя быка, держа плащ обеими руками. Но публике такая работа нравится, и недаром, а Луис Мигель большой мастер этого приема.

С бандерильями он был великолепен. Одну пару он вонзил так изумительно, что просто глазам не верилось. Бык стоял у самого барьера, бока его раздувались, с одного плеча стекала кровь из раны, нанесенной копьём, глаза неотступно следили за Луисом Мигелем, который медленно приближался к нему, широко раскинув руки, держа бандерильи под прямым углом остриями вперед. Мигель миновал черту, где должен был бы подзвать быка и заставить его кинуться, миновал черту, где еще можно было вонзить бандерильи без серьезного риска, миновал черту, где бык, не спускавший с него глаз, должен был обрести уверенность, что достанет его рогом. Когда расстояние сократилось до трех шагов, бык кинулся, Луис Мигель, изогнувшись влево, всадил обе заостренные палочки, оперся на них, переброем тело через голову быка и выпрямился с другой стороны.

Когда Луис Мигель взялся за мулету, он и бык стояли близко у барьера, как раз под нами. Я слышал, что он говорит быку, слышал дыхание быка и стук бандерильи, когда тот проходил под мулетой у самой груди Мигеля. Бык получил только одну рану от копья пикадора, но глубокую. Мышцы шеи у него были крепкие, и Мигель заставлял его высоко вскидывать голову, чтобы он тем ниже опустил ее к моменту последнего удара. Но бык истекал кровью и быстро терял силы.

Мигель обращался с ним бережно, очень мягко увел его на середину арены, но бык слабел с каждой минутой и двигался вяло. Наконец он, как доигранная граммофонная пластинка, сошел на нет, и тогда Мигель, убедившись, что бык больше играть не желает, сам затеял с ним игру. Он гладил его рога и приставлял локоть к его лбу, делая вид, будто говорит с ним по телефону. Бык меньше чем когда-либо мог ответить ему сейчас, когда он выдохся, потеряв столько крови, и уже не способен был кинуться. Мигель несколько раз хватал его за рог, пытаясь сдвинуть его с места, а потом поцеловал быка в морду. Теперь уже Мигель проделал над быком все, что мог, разве что не предложил руку и сердце, и ему оставалось только убить его. Мигель потерял быка, слишком хорошо поработав бандерильями. Но тогда этого не было видно.

Бык ничем не помогал Мигелю вонзить шпагу. Чтобы не уступить первенство Антонио, он должен был теперь броситься на быка, с одного удара всадить шпагу до отказа, точно в положенное место, и прихлопнуть эфес ладонью. Он не мог этого сделать. Он пытался пять раз, но шпага не входила в загривок. Она не натыкалась на кость, она просто не входила. Зрители недоуменно молчали. Они видели, что с Мигелем что-то неладно, но не понимали, что и как могло случиться. Они не знали тех обстоятельств, которые привели к такому результату.

Я подумал, что это Антонио своей блестящей работой сразил Мигеля, и мне было жаль его. Потом я вспомнил, что, выступая в Туделе, он тоже с трудом убил быка и кто-то из зрителей запустил в него бутылкой, и, может быть, это живет в его подсознании и не дает ему нанести удар – как бывает со стрелком, когда у него однажды дрогнет рука. Но так или иначе, он уже не мог убить как надо, и после пятой попытки, заставив истекающего кровью, понурого быка почти ткнуться мордой в распластанную на песке мулету, он прикончил его ударом дескабелью в шею.

Не знаю, хорошо ли спал Луис Мигель последние ночи перед первым решающим боем в Валенсии. Говорили, что он очень поздно лег, но так всегда говорят, после того как что-нибудь случится. Одно я знаю: он волновался перед боем, а мы нет. Я не приставал к Мигелю, не задавал ему никаких вопросов, потому что теперь я уже окончательно принадлежал к лагерю Антонио. Мы все еще были друзьями, но, после того как я внимательно присмотрелся к его работе с быками различных пород и повадок, у меня не

осталось сомнений, что Луис Мигель – великий матадор, но Антонио – величайший. Я был убежден, что, если бы Антонио не слишком заносился, они оба могли бы заработать кучу денег, – для этого нужно было только, чтобы они снизили свои требования и чтобы им платили поровну. Если же Антонио не станут платить столько же, он до тех пор будет обострять борьбу, пока Луис Мигель, попытавшись сравняться с Антонио или даже превзойти его, не погибнет на арене или получит такую тяжелую рану, что уже выступать не сможет. Я знал, как беспощаден Антонио, знал его исступленную, непримиримую гордость, не имеющую ничего общего с самомнением. За этой гордостью скрывалось многое, и была в ней темная сторона.

Сатанинской гордости в Луисе Мигеле было не меньше, если не больше, чем в Антонио, и он ничуть не сомневался в своем превосходстве, на что были некоторые основания. Он так долго утверждал, что он лучший из всех, что сам в это уверовал. То было не просто мнение о своей работе, то была слепая вера. Теперь Антонио сильно пошатнул его веру в себя, и сделал он это, вернувшись на арену после тяжелого увечья, и, кроме одного раза, так бывало всегда, когда они вместе выступали. Но до сих пор всегда участвовал еще и третий матадор, и Луиса Мигеля утешала мысль, что это затрудняет сравнение его работы с работой Антонио. Луису Мигелю ничего не стоило затмить любого третьего матадора. Теперь же в Валенсии ему предстояло сразиться с Антонио один на один. Дело нешуточное для любого из матадоров, кто видел Антонио в этом сезоне, а тем более если тебе платят больше, чем ему. Антонио несся, словно река в половодье, так было весь этот год и весь минувший. Накануне боя в Валенсии мы сделали рискованный опыт – как лучше провести день, – и риск себя оправдал.

Мы провели этот чудесный буйный день на пляже, вылезая из воды только затем, чтобы поесть и поиграть в футбол. После полудня мы решили не идти на бой быков, а разложить костер и торжественно сжечь наши билеты. Но побоялись, как бы не накликасть беду, и еще поиграли в футбол, а потом до сумерек купались, заплывая очень далеко, а на обратном пути к берегу борясь с сильной волной, относившей нас в сторону. Все мы смертельно устали и рано завалились спать, как очень здоровые утомленные дикари.

Антонио спал отлично и проснулся отдохнувшим, в отличном настроении. Я только что вернулся с жеребьевки. Быки были с фермы Игнасио Санчеса и Луису Мигелю и Антонио достались равноценные быки. Ночью поднялся ветер, небо покрылось тучами. Ветер был сильный, порывистый, и казалось, сейчас не конец июля, а глубокая осень.

– Кости ломит? – спросил я Антонио.

– Ничуть.

– Ноги не болят? – У меня правая ступня распухла, оттого что я гонял мяч босиком.

– И ноги не болят. Чувствую себя отлично. Как погода?

– Ветрено, – сказал я. – Даже очень.

– Может, уляжется, – сказал он.

К началу корриды ветер не улегся, и когда первый бык Луиса Мигеля вышел на арену, по небу неслись черные тучи, солнца не было и сила ветра достигала десяти баллов. Перед боем я заходил к Луису Мигелю пожелать ему удачи. Он дружески улыбнулся мне своей чарующей улыбкой, как обычно в таких случаях. Но и он и Антонио глядели сурово и сосредоточенно, когда во главе своих квадрилий пересекали арену и, поклонившись президенту, подошли к барьеру.

Когда Мигель окончил работу с третьим быком, ему оставалось только удачно убить, чтобы завоевать ухо. Но рука не слушалась его. Механизм разладился, и он только с четвертой попытки нанес смертельный удар. Уже темнело, и ветер дул с прежней силой. На арену въехала поливочная машина, и, пока струйки воды прибывали взметаемый ветром песок, в кальехоне царил почти полное молчание.

Мы все страдали за обоих матадоров, зная, какое это испытание – работать на ветру.

– Не повезло им с погодой, – сказал мне Доминго, брат Луиса Мигеля.

– И ветер все сильнее.

– Придется свет зажечь, – сказал Пепе, другой брат Луиса. – После этого быка станет совсем темно.

Мигелильо смачивал боевой плащ Антонио, чтобы он был тяжелее и не так разлетался от ветра.

– Страх как задувает, – сказал он мне. – Просто беда. Но он может. Он справится.

Я прошел дальше по кальехону.

– Не понимаю, что со мной творится, – сказал Луис Мигель, который стоял в проходе, облокотившись на барьер. – Никуда не гожусь со шпагой. – Он говорил равнодушным тоном, словно речь шла о ком-то другом или о каком-то непонятном ему загадочном явлении. – Остался еще один. Может быть, с этим, последним, все будет хорошо.

Друзья заговаривали с ним, но он, не слушая их, смотрел на арену. Антонио ни на что не смотрел и думал о ветре. Я постоял подле него, облокотившись на барьер, и мы не обменялись ни словом.

Третий бык Антонио потерял много крови от бандериллий и больше ни в чем не желал участвовать. Чтобы поставить его в нужное положение для удара шпагой, Антонио пришлось действовать мулетой, словно парусом в шторм. Он с трудом, одной силой рук, удерживал ее, потому что мулета, натянутая воткнутой в нее шпагой, раздувалась от ветра, как парус. Я знал, что уже много лет у него побаливает правое запястье и перед каждым боем его стягивали бинтом, чтобы оно не подвело при ударе шпагой. Теперь он не думал об этом, но, когда он занес шпагу, запястье чуть вильнуло, и шпага не вошла под прямым углом. Вернувшись в проход, он стал возле меня. Лицо его было строго, даже сурово, а рука повисла, как у паралитика. Вспыхнул свет, и я увидел такой мрачный блеск в его глазах, какого никогда не видел у него ни на арене, ни вне ее. Он начал что-то говорить, но тут же умолк.

– Что такое? – спросил я.

Он покачал головой, глядя на упряжку мулов, вывозивших с арены мертвого быка. В ярком свете видно было, что борозду, проложенную быком, уже заносит песком, хотя с тех пор, как поливали арену, и четверти часа не прошло.

– Эрнесто, ветер ужасный, – проговорил он странным, жестким голосом.

Я никогда не слышал, чтобы на арене у него менялся голос, разве что когда он злился, но тогда голос звучал ниже, а не выше. Да и сейчас он звучал не выше обычного, и в нем не слышалось жалобы. Он просто констатировал факт. Мы оба знали, что случится беда, но это было единственное мгновение, когда мы не знали, с кем именно она случится. Оно длилось ровно столько, сколько потребовалось Антонио, чтобы произнести эти три слова. Он взял у Мигелильо стакан воды, прополоскал рот и, не обращая внимания на боль в руке, потянулся за своим плащом.

Последний бык Луиса Мигеля стремительно выбежал на залитую светом арену. Это был крупный бык, с настоящими рогами и очень резвый. Он загнал одного бандерильеро за барьер и несколько раз всадил левый рог в деревянные доски бурладеро⁴. Увидев пикадора, он понесся на него и сразу опрокинул лошадь. Луис Мигель работал плащом уверенно, но осторожно. Из-за сильного ветра его основной недостаток – слабые вероники – обнаруживался особенно отчетливо, а эффектные пассы с накинута́м на плечи плащом были невозможны. Бык явно нервничал и проявлял склонность тормозить задними ногами, поэтому Мигель решил отказаться от бандериллий. Зрителям это не понравилось. Они платили большие деньги за билеты, рассчитывая увидеть, как Луис Мигель вонзает бандерильи. Он знал, что теряет благосклонность публики, но надеялся удовлетворить ее хорошей фазной. Он поставил быка в наиболее защищенное от ветра место, у самого барьера, и протянул ему смоченную и залепленную песком мулету. Потом он потребовал еще воды и вывалил мулету в песок, чтобы она стала тяжелей.

Держа в руках мулету и шпагу, Луис Мигель плавно и размеренно два раза пропустил быка мимо себя. Он видел, что бык еще не усмирен, и потому заставил его еще четыре раза

пройти под мулетой, держа её в правой руке. Потом он увел быка на середину арены, так как быку, видимо, надоели доски барьера. Мигель проделал тот же прием еще два раза, и теперь бык покорно подчинялся его воле. Когда же он в третий раз поднял мулету, ветер подхватил ее, и бык, просунув под нее морду, вскинул Луиса Мигеля на рога и швырнул на песок. Антонио уже бежал к быку, чтобы увести его плащом, но прежде, чем кто-нибудь подоспел на помощь, бык три раза боднул лежащего навзничь Мигеля, и я очень ясно увидел, как правый рог вошел в пах.

Антонио отвлекал быка, а Доминго, прыгнувший на арену в ту же минуту, как Луис Мигель упал, оттаскивал его подальше от рогов. Доминго, Пене и бандерильеро подняли его и побежали с ним к барьеру. Мы все помогли поднять его в кальехон и побежали к воротам под трибунами, потом по коридору, ведущему в операционную. Я поддерживал его голову. Луис Мигель зажимал руками рану, а Доминго большим пальцем надавливал на живот повыше ее. Кровотечения не было, и мы понимали, что рог не задел бедренной артерии.

Луис Мигель был совершенно спокоен и очень вежлив и мил со всеми.

– Благодарю вас, Эрнесто, – сказал он, когда я спустил его голову на подушку, в то время как его раздевали и доктор Тамамес разрезал его штаны вокруг раны. Оказалось, что рана только одна – в паху, с правой стороны. Рана была круглая, около двух дюймов в поперечнике, с синими краями. Кровоизлияние было только внутреннее.

– Смотрите, Маноло, – сказал Луис Мигель доктору Тамамесу. Он дотронулся до живота, над самой раной. – Она начинается вот тут и поднимается выше, вот сюда. – Он пальцем провел траекторию, по которой рог двигался в паху и в нижней части брюшной полости. – Я чувствовал, как он вошел.

– Muchas gracias, – отрывисто и сухо ответил Тамамес. – Я уж как-нибудь сам разберусь.

В лазарете было душно и жарко, как в печке, и все обливались потом. Подскакивали фотографы, вспыхивал магний, репортеры и любопытные толпились в дверях.

– Сейчас мы приступим к операции, – сказал Тамамес. – Выгоните всех отсюда, Эрнесто, и, – он понизил голос до шепота, – уходите сами.

Мигель уже лежал на столе, и я сказал ему, что приду попозже.

– До скорого, Эрнесто, – сказал он и улыбнулся. Лицо его посерело, лоб покрылся испариной, а улыбка была нежная и ласковая. У двери стояло двое полицейских, и за дверью еще двое.

– Выгоните всех отсюда, – сказал я. – Не пускайте никого. А вы стойте в дверях, но дверь не закрывайте, пусть входит свежий воздух.

Я не имел никакого права приказывать, но им это было неизвестно, и они ждали чьих-нибудь распоряжений. Они взяли под козырек и принялись очищать операционную. Я медленно вышел в коридор, но, как только очутился под трибунами, со всех ног бросился ко входу в кальехон. Над головой снова и снова раздавался восторженный рев, и, когда я поверх красных досок барьера посмотрел на залитую желтым светом арену, я увидел Антонио, который пропускал мимо себя огромного рыжего быка – пропускал так близко, так медленно и плавно взмахивая плащом, как еще никогда не делал на моих глазах.

Он берег быка и позволил пикадору только один укол копьём. Бык все еще был очень сильный, поворотливый и высоко держал голову. Антонио таким и хотел его и не стал дожидаться, пока воткнут бандерильи. Бык оказался по-настоящему храбрым, и Антонио не сомневался, что заставит его опустить голову. Теперь Антонио позабыл о ветре и обо всем на свете. За всю ферию ему первый раз достался по-настоящему храбрый бык. Это был последний бык, и ничто уже не могло испортить его. То, что он, Антонио, сейчас проделает с ним, останется в памяти зрителей до конца их дней.

Показав, как плавно и красиво он умеет работать, он подошел к быку почти вплотную и начал показывать, как близко он может пропускать его мимо себя. Он отбросил всякое благоразумие, и чувствовалось, что он весь кипит от сдерживаемой ярости. Работал он изумительно, но он переступил границы возможного, и то, что он делал сейчас радостно и

беспечно, никому, кроме него, не было доступно. Я очень хотел, чтобы он прекратил эту опасную игру и закончил бой. Но он был словно пьяный и продолжал последовательно и непрерывно показывать прием за приемом, объединяя все пассы в одно виртуозное целое.

Наконец он стал против быка и как бы нехотя, словно ему жаль было расстаться с ним, свернул мулету и нацелился шпагой. Он угодил в кость, и шпага согнулась. Я боялся за его запястье, но он опять стал против быка и опять нацелился. Шпага вошла до отказа, и Антонио, подняв руку, спокойно и бесстрастно смотрел на рыжего быка, пока тот не упал мертвым.

Ему присудили оба уха, и, когда он подошел к барьеру за своей шляпой, Хуан Луис, у которого накануне мы были в гостях, крикнул ему: «Это чересчур!»

– Как Мигель? – спросил меня Антонио.

Из лазарета сообщили, что рог прорвал мышцы живота и вспорол брюшину, но внутренностей не задел. Луис Мигель еще был под наркозом.

– Обойдется, – сказал я. – Прободения нет. Он еще спит.

– Я сейчас переоденусь, и мы пойдем к нему, – сказал он.

Антонио окружили зрители, они хотели вынести его на руках, а он отбивался и отталкивал их. Но в конце концов они настояли на своем и подняли его на плечи.

Когда мы пришли в лазарет, Луис Мигель был еще очень слаб, но в хорошем настроении, и мы сейчас же ушли, чтобы не утомлять его. Он пошутил по поводу того, что я отдал приказ полицейским, и Доминго сказал, что, когда он очнулся после наркоза, первые его слова были: «Какой замечательный человек был бы Эрнесто, если бы только он умел писать». И все еще в полузабытьи он повторил несколько раз: «Если бы только он умел писать. Хоть бы кто-нибудь выучил его писать». Три дня спустя мы снова увиделись в мадридской больнице Рубера, где Антонио лежал на третьем этаже, а Луис Мигель – на первом. Две недели спустя состоялась их вторая встреча *тапо а тапо* в Малаге. Так повелось в тот год, и до 31 июля было зарегистрировано свыше пятидесяти тяжелых ранений, не считая трещин черепной коробки, переломов позвоночника, ребер, рук и ног, сотрясений мозга и шоков.

Антонио был ранен в правое бедро на арене в Пальма-де-Мальорка, но он блестяще закончил работу с мулетой, хорошо убил, и ему присудили ухо. Как только кончился бой, его самолетом отправили в мадридскую больницу.

В Малагу Антонио приехал за три дня до корриды. Он сказал, что нога его совсем не беспокоит, но рана заживает слишком медленно. Ему не терпелось снова потягаться с Луисом Мигелем, но он не желал ни думать, ни говорить об этом и вообще о бое быков. Он знал, какую пользу принес ему день, проведенный на пляже накануне боя в Валенсии, и мы продолжали в том же духе.

Он хотел поупражняться в стрельбе по летящей цели, которой я его научил, и мы часами предавались этому спорту в оливковой роще. Он хотел, чтобы Хотч выучил его играть в бейсбол, и Хотч с помощью теннисного мяча объяснил ему подачу и показал, как надо отбивать, и очень скоро Антонио уже подбрасывал мяч до верхушек самых высоких сосен. Они с Хотчем перебрасывались мячами через бассейн для плавания, стараясь так послать мяч, чтобы его невозможно было поймать. Мы часами плавали в бассейне, и Антонио учился во время прыжка в воду отбивать головой мяч, брошенный ему Хотчем.

– Обыкновенный футбольный трюк, – сказал Хотч. Я перевел его слова.

– Ладно. Вернемся к бейсболу, – сказал Антонио.

Он начал с того, что, прыгая в воду, ловил теннисный мяч одной рукой. Научившись делать это без промаха, он стал ловить по мячу в обе руки. Хотч отличался необычайно быстрой реакцией, а руки у него были сильные и ловкие, и мы все трое – он, Антонио и я – забавлялись тем, что бросали друг в друга всем, что попадет. Если во время пикника кому-нибудь из нас требовалась соль, ему бросали солонку. Если кто-нибудь хотел выпить, в него летела бутылка. Мы бросали решительно все и уже изобрели способ, который позволил бы нам бросать на стол стакан вина, не пролив ни капли, как вдруг пришел конец и веселью,

и беззаботным завтракам, и долгим уютным обедам, и крепкому освежающему сну после купания – наступил канун боя. Никто и словом не обмолвился о предстоящей корриде, пока Антонио не сказал:

– Одеваться я завтра буду в городе, в отеле.

Это была одна из величайших коррид, когда-либо виденных мною. И Луис Мигель и Антонио отнеслись к предстоящему бою как к важнейшему событию в своей жизни. Рана, полученная Мигелем в Валенсии, так счастливо оказавшаяся менее тяжелой, чем думали в первую минуту, вернула ему уверенность в себе, поколебленную фантастическим мастерством Антонио и его поистине львиным бесстрашием.

Антонио был ранен в Пальма-де-Мальорка, и это убеждало Луиса Мигеля, что Антонио тоже уязвим, а его работу с последним быком в Валенсии Луис Мигель, к счастью, не видел. Думается мне, что если бы видел, то отказался бы от соперничества. Луису Мигелю деньги были не нужны, хотя он очень любил деньги и то, что на них можно купить. Самое главное, к чему он стремился, – это уверенность, что он величайший из ныне живущих матадоров. На самом деле он уже не был первым, но он был вторым, и в тот день он был подлинно велик.

Антонио ждал боя с той же уверенностью в своих силах, с какой выступал в Валенсии. То, что произошло на Мальорке, не имело значения. Он допустил небольшую ошибку, больше этого не случится, а потому обсуждать ее со мной не стоит. Он рассказал бы мне, если бы я спросил его, но я не спрашивал. Как всякий профессиональный матадор, он, по крайней мере, один раз в сезон совершает ошибку – это и произошло в Аранхуэсе. Так как он работает почти вплотную к быку, и работает честно, подвергая себя реальной, а не мнимой опасности, то малейшую его ошибку немедленно исправляет своими рогами бык. Так как у быков, с которыми он имеет дело, рога не подпилены, то эти быки не лишены способности измерять расстояние, и такой бык может всадить рог, куда пожелает. Поэтому Антонио находил вполне нормальным, что за каждую ошибку он расплачивается раной и попадает в больницу. Он этого ждал и принимал как должное. Но, работая, как работает он, ошибаться нельзя. Это он знал. Он совершил небольшую ошибку, понял ее и от души радовался, что она обошлась ему так дешево. Он уже давно решил, что он лучший матадор, чем Луис Мигель. Он доказал свое превосходство в Валенсии, и ему не терпелось снова доказать его в сегодняшнем бою.

Бык, которого убил Луис Мигель, был уже третьим быком, убитым с одного удара. Бык попался нелегкий, и Мигель провел бой превосходно. Он снова обрел умение владеть шпагой и вместе с умением – былую веру в себя. Он подошел к барьеру, снисходительно улыбаясь, и, скромно взяв в руки оба уха и хвост, сделал круг по арене. Прибавьте к этому аплодисменты, музыку и громкое жужжание голосов, не умолкавшее в течение всей корриды. Я заметил, что Луис Мигель осторожно ставит правую ступню, которую отдал ему его первый бык, впрочем, он этого и не скрывал. Я знал, что правая нога у него болит и он не вполне на нее полагается. Работал он изумительно, и я безмерно восхищался им.

Теперь уже четыре быка были убиты с первого удара, и с каждым быком коррида становилась все более блистательной. За четвертого быка Антонио присудили оба уха, хвост и кусок ноги с копытом. Он обошел арену весело и беззаботно, словно мы все еще резвились у нашего плавательного бассейна. Когда он проходил мимо, я сказал ему: «Брось копыто Хотчу», – и Антонио, поравнявшись с его местом, высоко подкинул бычьей ноге, и Хотч поймал ее одной рукой. Публика шумно вызывала Антонио, и он пригласил Луиса Мигеля и дона Хуана Педро Домека, которому принадлежали быки, выйти вместе с ним.

Очередь теперь была за Луисом Мигелем. Начал он с *larga cambiada*, то есть, стоя на коленях, подпускал к себе быка так близко, что при каждом взмахе плаща кончик рога почти касался его груди. Бык оказался отличным, и Луис Мигель умело воспользовался этим. Пикадоры хорошо подготовили быка, и Луис Мигель велел поторопиться с бандерильями. Когда он подошел к барьеру, я заметил, что лицо у него очень усталое, но он не обращал

внимания на свое самочувствие, не позволял себе хромать и работал со страстным увлечением, словно новичок, только вступающий на попроще матадора.

К концу боя Луис Мигель увел быка на середину арены и проделал классические пассы, держа мулету в левой руке. Чувствовалось, что он очень устал, но работал он уверенно и хорошо. Показав две серии по восемь натурале в самом изысканном стиле, он переложил мулету в правую руку – и тут-то, при очередном повороте, обходя Луиса Мигеля со спины, бык поднял его на рога. С того места, где я стоял, облокотясь на барьер, мне показалось, что Луис Мигель взлетел вверх футов на шесть, если не больше. Он грохнулся головой, раскинув руки и ноги, мулета и шпага отлетели в стороны. Бык подступал к нему, стараясь вогнать в него рог, но дважды промахнулся. Все участники боя бросились к Мигелю, размахивая плащами, и на этот раз его брат Пеппе, перескочив через барьер, оттащил его от рогов.

Он не пролежал и двух минут. Рог не вошел в него, а только поддел его, пройдя между ног, и он был невредим.

Луис Мигель махнул рукой, приказывая всем отойти, и как ни в чем не бывало продолжал прерванную фаэну. Он повторил тот пасс, во время которого бык поддел его рогом, потом повторил еще раз, как будто хотел преподать урок и себе и быку. Потом он проделал другие приемы, точно и отчетливо, словно бык и не подкидывал его. Затем он показал более эффектную и менее опасную работу. Публике это понравилось больше. Но он работал без обмана и без трюков вроде разговора по телефону. Убил он превосходно, вонзив шпагу уверенно и четко, словно никогда в жизни он не убивал иначе, как с первого удара. Ему достались те же трофеи, что и Антонио, и он заслужил их. Он сделал круг по арене, припадая на одну ногу – теперь, когда нога одеревенела, он уже не мог скрывать хромоту, – и вышел раскланиваться на середину, позвав с собой Антонио. Президент распорядился, чтобы и мертвого быка провезли вокруг арены.

Пять быков уже были убиты пятью ударами шпаги. Когда появился последний бык и стихли аплодисменты, Антонио подошел к нему и начал свою плавную, размеренную, колдовскую работу плащом. Каждое его движение публики встречала восторженными криками. Он стоял неподвижно и прямо, только руки его медленно поднимали плащ, и публика наслаждалась зрелищем, не понимая его работы и не разбираясь в ней, но зная, что так он работает всегда, если бык воинственный и храбрый.

В последней стадии боя Антонио показал такую фаэну, что дух захватывало каждый раз, когда он томительно медленно пропускал быка под мулетой, ибо, заторопись он хоть самую малость, бык отвернулся бы от красной тряпки и кинулся на него. Этот стиль работы наиболее опасный из всех, и на своем последнем быке Антонио показал совершенный его образец.

Оставалось только одно – убить безукоризненно чисто, без всяких поблажек, вонзить шпагу абсолютно точно, не выбирая места ни чуточку ниже, ни на волосок в сторону, чтобы уменьшить риск натолкнуться на кость. Антонио свернул мулету, нацелился на самую высокую точку между лопатками быка и, перегнувшись через правый рог, низко держа мулету левой рукой, нанес удар. Когда Антонио, выпрямившись, отделился от быка, длинный стальной клинок, пошедший до отказа, уже перерезал аорту. Бык дрогнул, зашатался, перебирая копытами, рухнул, задрал ноги, – и второе тапо а тапо окончилось.

Важно было то, что соперники провели почти безупречную корриду, не запятнанную ни трюками матадоров, ни темными махинациями антрепренеров или подрядчиков. Плохо было то, что эта коррида едва не кончилась для Луиса Мигеля смертью или непоправимым увечьем. И случилось бы это в безветренный день, во время работы с отличным, храбрым быком, не имеющим никаких изъянов. Это было очень плохо для такого матадора, как Луис Мигель, поскольку обычно великий матадор убивает быка, а не бык убивает великого матадора, и все это знали, хотя никто об этом не говорил. Соперничество с Антонио чуть не стоило ему жизни в Валенсии и легко могло кончиться его гибелью в Малаге.

Еще в Памплоне Хотч и Антонио придумали меняться ролями. Антонио очень гордился тем, что в нем совмещаются две личности – человек и тореро. Как-то я показал ему снимок в парижском еженедельнике, где был изображен Антонио, посвящающий быка Жану Кокто на одной из французских арен, и он сказал:

– Это не я.

– Лицом он очень похож на тебя.

– Вовсе это не я. Это – тореро.

Он очень неодобрительно относился к тому, что я надписываю свои книги, купленные посторонними людьми, «другу» или «от друга».

– Как ты можешь так писать, если он никакой тебе не друг? Во-первых, это обман, а во-вторых, слишком много чести для человека, который ничем ее не заслужил.

– Не вижу тут ничего особенного, – сказал я.

– Напрасно, – возразил он, – нам с тобой нельзя делать такие вещи.

– Может, это делает не человек, а писатель, – сказал я.

– Не делай этого, – повторил он. – Тебе это не подходит.

Сперва он вывел теорию, что человек не отвечает за то, что тореро вынужден делать из вежливости. Человек отвечает только за то, что тореро делает с быком, и за его отношения с другими тореро.

Потом ему захотелось большего покоя и в частной жизни, и он придумал меняться ролями с Хотчем, которого называл Пекас или Эль Пекас – «Веснушки». Хотч ему очень нравился.

– Пекас, – говорил он, – вы Антонио.

– Очень хорошо, – отвечал тот. – А вы принимаетесь за сценарий по Папиной книге.

– Скажите ему, что я уже работаю над ним. Половина готова, – говорил мне Антонио. –

Ох, и устал я сегодня – и писал, и в бейсбол играл.

Но накануне корриды ровно в полночь Антонио говорил:

– Теперь вы опять Пекас. А я Антонио. Может, вы хотите и дальше быть Антонио?

– Скажите ему, пусть теперь он будет Антонио, – говорил Хотч. – Не возражаю. Но на всякий случай не мешает сверить наши часы.

В канун корриды в Сьюдад-Реале, куда нам предстояло ехать и где Антонио опять должен был выступать вместе с Луисом Мигелем, разговор затянулся далеко за полночь. Антонио хотел, чтобы Хотч надел один из его костюмов и вышел на арену, как *sobre-saliente* – запасной матадор, который обязан будет убить быков, если и Луис Мигель и Антонио получат ранения. Он хотел, чтобы Хотч превратился в Антонио на весь день боя и во время боя. Это было абсолютно противозаконно, и я не знаю, какая кара постигла бы нас, если бы кто-нибудь уличил Хотча. Разумеется, он не мог быть настоящим *sobre-saliente*, но Антонио хотел, чтобы он вообразил себя матадором. Он выйдет на арену вместе с бандерильеро Антонио, и все подумают, что он запасной матадор. Другого не будет.

Было много шансов за то, что Луис Мигель получит рану или увечье. В двух из последних трех состязаний с Антонио он получал либо ранение, либо увечье, либо ушибы. Но однажды во Франции Луис Мигель взял с собой на арену своего приятеля, графа Теба, племянника покойного герцога Альба, выдав его за члена своей куадрильи, и вот теперь Антонио вознамерился взять с собой Хотча.

– Хотите, Пекас? – спросил Антонио.

– Еще бы, – ответил Хотч. – Всякий захочет.

– Вот за это люблю. Теперь понимаете, почему я хочу быть Эль Пекас? Всякий захочет.

Мы вкусно и непринужденно позавтракали в битком набитом шумном ресторане при старой темной гостинице с узкой лестницей, с номерами без ванны и душа. Город был переполнен крестьянами, съехавшимися из всех окрестных деревень. Сьюдад-Реаль расположен на краю обширного винодельческого района, поэтому вино лилось рекой и настроение было приподнятое. Хотч и Антонио одевались в маленьком номере Антонио, и мне еще не доводилось видеть таких беззаботных приготовлений к бою быков. Обоих одевал

Мигелильо.

– А точнее – что я должен делать? – спросил Хотч.

– Перед выходом делайте то же, что я. Хуан поставит вас на ваше место. Потом выходите на арену в точности так, как все, и делайте то же, что я. Потом зайдите за барьер, станьте возле Папы и делайте то, что он вам велит.

– А что мне делать, если придется убивать быков?

– Вы что – трусите?

– Просто хочу знать.

– Папа все в точности скажет вам по-английски. В чем вы сомневаетесь? Папа заметит каждую мою ошибку или ошибку Мигеля. Это его ремесло. Он этим деньги зарабатывает. Он вам объяснит, в чем наши ошибки, а вы слушайте внимательно и не повторяйте их. Потом он вам объяснит, как нужно убивать быка, и вы так и делайте.

– Держитесь поскромнее, Пекас, – сказал я. – Нехорошо, если вы сразу затмите остальных матадоров. Это будет не по-товарищески. Подождите хоть до вашего вступления в союз.

– А можно мне сейчас вступить в союз? – спросил Хотч. – Деньги у меня есть.

– Не думайте о деньгах, – сказал Антонио, после того как я перевел ему слова Хотча. – Забудьте про союз и прочие меркантильные дела. Думайте только о том, как великолепно вы будете выступать и о том, как мы гордимся вами и надеемся на вас.

В конце концов я ушел от них и спустился вниз, к остальной компании.

Когда они сошли с лестницы, лицо у Антонио, как всегда перед боем, было суровое, замкнутое, сосредоточенное, и взгляд его ничего не выдавал посторонним. По веснушчатому лицу Хотча – лицу заядлого бейсболиста – его можно было принять за бывшего новильеро, впервые выступающего в качестве матадора. Он мрачно кивнул мне головой. Никто бы не подумал, что он не тореро, и костюм Антонио сидел на нем безукоризненно.

Когда мы, войдя в цирк, остановились под аркой у выбеленной кирпичной стены перед красными воротами, Хотч, который стоял между Антонио и Луисом Мигелем, был просто великолепен на фоне белой штукатурки. Антонио уже был весь во власти предстоящего боя и приводил себя в обычное перед выходом состояние абсолютной внутренней пустоты. Для Луиса Мигеля последние минуты перед открытием ворот давно были трудными. Они стали труднее после Малаги.

Кто-то подошел ко мне и спросил:

– Кто *sobre-saliente*?

– Эль Пекас, – ответил я.

– А-а, – спрашивавший кивнул головой.

– *Sierteб*, Пекас, – сказал я Хотчу.

Он слегка наклонил голову. Он тоже старался привести себя в состояние внутренней пустоты.

Я прошел по кальехону до того места, где Мигелильо и его помощник раскладывали боевые плащи и шпаги, закрепляли мулеты на деревянных дровяках. Я отхлебнул воды из кувшина, огляделся и увидел, что на трибунах много свободных мест.

– Как Пекас? – спросил Мигелильо.

– Молится в часовне о благополучии других тореро, – ответил я.

– Смотрите за ним, – сказал Доминго Домингин, – любой бык может кинуться.

– Идут, – сказал я. Парадное шествие началось.

– Настоящий тореро. Доминго никогда не выглядел так на арене, – сказал кто-то, но Доминго не слышал. Мы все смотрели на Пекаса. В осанке его было ровно столько скромности и спокойной уверенности в себе, сколько нужно. Я перевел взгляд на Луиса Мигеля – не хромает ли он? Нет, он не хромал. Он ступал твердо и уверенно, но лицо его омрачилось, когда он увидел пустые места на трибунах. Антонио вышел на арену с видом победителя. Он тоже увидел пустые места, но остался равнодушен.

Хотч зашел за барьер и остановился возле меня.

- Что я теперь должен делать? – спросил он вполголоса.
- Стойте возле меня, делайте умное лицо, изображайте готовность, но без нетерпения.
- Мы с вами знакомы?
- Более или менее. Я видел вашу работу. Но мы не приятели.

На арену вышел первый бык Луиса Мигеля. Из трех доставшихся ему быков – низкорослого, среднего и крупного, – он для первого боя выбрал среднего. Мигель работал плащом, и больная нога, видимо, не мешала ему.

Публика награждала аплодисментами каждую веронику.

- Присмотритесь к быку, – сказал я Хотчу.
- По-моему, он недурен.
- Какие-нибудь изъяны?
- Ужасно длинные рога.
- Отсюда они всегда кажутся длинными, – сказал я.
- А не слишком усердствуют пикадоры?
- Слишком.
- Зачем?

Хотч говорил тихо, не шевеля губами.

– Его умиряют для Мигеля, потому что он еще не совсем оправился от ушибов в Малаге. У него не хватит силы в ногах, чтобы справиться с ним. Для боя быков нужны надежные ноги.

- Запомню, – сказал Хотч.
- А как ваши ноги?
- Трясутся, но я держусь.

Луис Мигель делал пассы мулетой прямо напротив нас. Сперва он работал хорошо, в строгом стиле, потом еще лучше, наконец, превосходно, – но тут бык, ослабевший от чрезмерного усердия пикадоров, начал сдавать. Они выпустили из него много крови, но утомить мускулы шеи не сумели.

- Что вы сейчас можете сказать о быке?
- Он устал, и ему надоело.
- Теперь Мигелю придется самому наступать, а он не надеется на свои ноги.
- Уж скорей бы убивал, – сказал Хотч.

Он был прав. Но Луис Мигель убил только с седьмого раза, и то ему пришлось прикончить быка двумя ударами дескабелью.

- Почему так получилось? – спросил Хотч.
- По многим причинам, – сказал я. – Отчасти виноват бык, отчасти – Мигель.
- Может, он опять не сможет убивать, как уже было?
- Не знаю. Правда, бык ему не помогал, но он не сумел ни опустить мулету достаточно низко, ни вонзить шпагу как следует.
- А почему трудно низко опустить мулету?
- Опасно для жизни.
- Понятно, – сказал Хотч.

Первый бык Антонио уже вышел на арену, и он демонстрировал свое прославленное умение владеть плащом. Но быка он выбрал самого низкорослого, и зрители не принимали всерьез работу с ним. Быки принадлежали Арелиано Гамеро Сивикос из Саламанки и были неравноценны по качеству. Два низкорослых, один очень крупный и три средних. Даже Антонио заметил, что зрители не принимают быка всерьез, когда взял в руки мулету и начал показывать подлинно классические приемы; тогда он перешел на стиль Манолето, при котором любой бык кажется опасным, и проделал весь выработанный Манолето репертуар, поглядывая на публику каждый раз, как бык проскакивал под мулетой.

- Первый раз вижу, чтобы он так работал, – сказал Хотч.
- Публика это любит, и он показывает ей, как легко это делается. Я уже это раз видел, когда он выступал в Кордове, родном городе Манолето. Он смеется над публикой, но она

этого не понимает.

- Публике это очень нравится, – сказал Хотч. – Он мог бы всегда так работать.
- Он не хочет. Такая работа его не радует. Это всего только трюк.
- Полезный трюк, – сказал Хотч.

Антонио убил быка с первого удара, взяв чуточку слишком низко и в сторону, и ему присудили ухо.

Второй бык Луиса Мигеля был крупный и очень сильный. Первым же ударом рогов он опрокинул лошадь, и пикадоры старались вовсю, чтобы ослабить его и умерить его воинственный пыл. Они так отделили его, что пришлось ограничиться одной парой бандериллий.

Луис Мигель попытался проделать хорошую фазну с еле живым быком. Он показал несколько отличных пассивов, но не все подряд удалось ему. Эффектнее всего было, когда он обводил быка вокруг себя, чуть ли не прислоняясь к нему. Когда же он, держа мулету в левой руке, попытался сделать настоящую натурале, которую он так виртуозно исполнял в Малаге, бык едва не всадил в него рога.

- Это почему? – спросил Хотч.
- Он не сумел удержать его мулетой. Сбил с темпа.
- Это я когда-нибудь после выучу, – сказал Хотч. – Что еще за темп?
- Скорость, с какой двигается бык. Мулету нужно передвигать чуточку быстрее.
- Понятно, – сказал Хотч. – А теперь у него хорошо выходит.

Луис Мигель отлично закончил фазну и вонзил шпагу до самого эфеса, потом одним ударом дескабелью поразил спинной мозг. Его наградили ухом. Он обошел арену, держа свой трофей в руках, потом вышел на середину и поклонился публике. Часть зрителей была недовольна и не скрывала этого.

– Антонио достался хороший бык, – сказал я Хотчу. В центре арены Антонио уже показывал свое несравненное мастерство. Бык кидался стремительно и прямо, и плащ, который Антонио держал кончиками пальцев, взлетал и надувался с абсолютной точностью в нескольких миллиметрах от нацеленного рога.

– С этим быком он поработает в свое удовольствие, – сказал я, – если его не испортят. Сейчас он им скажет, чтобы не усердствовали. Слушайте.

Антонио очень берег быка во время работы пикадоров и бандерильеро. Фазну он начал с четырех пассивов, и пока бык в четвертый раз не прошел под мулетой у самой его груди, Антонио стоял, сдвинув ноги, прямой и неподвижный, словно изваянье. Заиграла музыка, и Антонио стал медленно обводить быка вокруг себя, заставляя его делать повороты, – сначала в четверть круга, потом в полкруга и, наконец, в полный круг.

- Это невозможно, – сказал Хотч.
- Он может в полтора круга.
- И мячи он может ловить в обе руки, прыгая в воду, – сказал Хотч. – Луису Мигелю далеко до него.
- Мигель постоит за себя, когда у него нога заживет, – сказал я и подумал: хорошо бы.
- Все-таки ему сейчас не сладко, – сказал Хотч. – Посмотрите на него.
- Уж очень бык хорош, – сказал я.
- Не только это, – сказал Хотч. – То, что делает Антонио, просто сверхъестественно.

Этого ни один человек не может, да еще постоянно, каждый раз. Вы посмотрите на Луиса Мигеля.

- Я посмотрел – лицо у него было словно застывшее, очень грустное и взволнованное.
- Провидит будущее, – сказал Хотч.

Антонио закончил фазну, поставил быка против себя, глубоко втянул воздух, нацелился и нагнулся над рогами, опустив мулету так низко, что она волочилась по песку. Он вонзил шпагу, она вошла до отказа, и бык упал мертвым. Антонио вручили оба уха и хвост. Когда он, обходя арену, прошел мимо нас, он улыбнулся мне, а на Хотча даже не взглянул, делая вид, что не замечает его. Я подошел к Антонио.

– Скажи Пекасу, что он великолепен. – Последнее слово он сказал по-английски. – Ты уже объяснил ему, как действовать шпагой?

– Нет еще.

– Пойди объясни.

Когда я вернулся к Хотчу, на арену выпускали быка Луиса Мигеля. Это был самый низкорослый.

– Что Антонио сказал?

– Он сказал, что вы великолепны.

– Это ясно, – сказал Хотч. – А еще что?

– Чтобы я объяснил вам, как действовать шпагой.

– Не мешало бы это знать. Вы думаете, очередь до меня дойдет?

– Думаю, что нет, разве что вы пожелаете убить за свой счет запасного быка.

– А сколько это стоит?

– Сорок тысяч песет.

– А примут чек на мой «Клуб гастрономов»?

– В Сьюдад-Реале – нет.

– Тогда, пожалуй, не выйдет, – сказал Хотч. – Я никогда не ношу с собой больше двадцати долларов наличными. Привычка, приобретенная на побережье.

– Я могу одолжить вам деньги.

– Не стоит, Папа. Я выступлю, только чтобы заменить Антонио, если нужно будет.

Луис Мигель и его бык стояли в нескольких шагах от нас. Оба они очень старались, но ни тот, ни другой, после работы Антонио, не могли рассчитывать на большее, чем одобрение личных друзей, а у быка здесь личных друзей не было. Он показывал, как должен вести себя хороший бык из Саламанки, отвечающий всем ходовым стандартам моды, а Мигель показывал, как он и Манолето, бывало, очаровывали зрителей ходовыми приемами, пока один из миурских быков не вытянул шею чуть подальше и не покончил с Манолето. Но быка это скоро утомило, и на смену его боевому пылу пришли усталость и отчаянье. Язык у него высунулся. Он выполнил все, что обещал, и как дара ждал быстрейшего конца. Но Луис Мигель выжал из него еще четыре поворота в стиле Манолето, прежде чем поставил его против себя. Он нанес удар неуверенно, волоча ногу. Шпага, наткнувшись на кость, выскочила у него из рук. Он собрался с силами, неплохо вонзил шпагу, и бык рухнул – не столько оттого, что в него вошел стальной клинок, чего раньше никогда не бывало, сколько оттого, что устал и отчаялся. Он сделал все, к чему его готовили, но ожиданий не оправдал.

– Луис Мигель сегодня не в форме, – сказал Хотч. – А как хорош он был в Малаге.

– Ему не следовало выступать, – сказал я. – Но он не хочет сдаваться. Он едва не погиб в Валенсии. И в Малаге. А сегодня этот огромный бык чуть было не забодал его. Он что-то чувствует.

– Что же он чувствует?

– Свою смерть, – сказал я. Это можно было сказать по-английски, если понизить голос. – Антонио носит ее с собой в кармане.

– В этих штанах нет карманов, – сказал Хотч.

– В куртке есть карман. Вон там, где торчит что-то, похожее на носовой платок.

– А своим компаньоном вы довольны сегодня? – спросил Хотч.

Антонио оставил для последнего боя самого крупного из своих быков и был так же безжалостен к Луису Мигелю, как всегда. Он показал все классические приемы, и все приемы, уже показанные Мигелем, вернув им покоряющую зрителей красоту, которая умерла в Линаресе вместе с Манолето. Он знал, что они менее опасны, чем приемы старой школы, но он показал все лучшее, что школа Манолето когда-либо могла дать.

– Так как же я должен убивать? – спросил Хотч.

– Не смотрите на рог. Цельтесь в то место, куда должна войти шпага. Опустите левую руку как можно ниже и, нанося удар, перекиньте ее направо.

– А потом что?

– Потом вы взлетите на воздух и мы все побежим, чтобы подхватить вас, когда вы станете падать.

– Сейчас Антонио убьет его.

Антонио, стоя перед быком, медленно свернул мулету, нацелился на самую высокую точку между лопатками быка, разжал губы, сделал глубокий вздох, перегнулся через рог и всадил шпагу метко и сильно. Когда ладонь его коснулась черного загривка, бык уже был мертв, и не успел Антонио выпрямиться и поднять правую руку, как бык зашатался, ноги его подогнулись и он тяжело рухнул на песок.

– Ну вот, – сказал я Хотчу, – очередь до вас так и не дошла.

Мигель пустым взглядом смотрел на арену. Публика, как всегда, бесновалась, все зрители, у которых нашлись носовые платки, махали ими, пока быку не отрезали оба уха, потом хвост и, наконец, копыто. Когда-то отрезали только одно ухо, и это означало, что президент дарит убитого быка матадору, чтобы тот продал его на мясо, а остальные трофеи, в сущности, лишние и служат только мерилем одобрения публики. Но этот обычай теперь прочно укоренился наряду со множеством других, наносящих вред бою быков.

Антонио поманил к себе Хотча.

– Выходите и сделайте круг вместе с другими, – сказал я. Хотч перепрыгнул через барьер и обошел арену с Хони, Феррером и Хуаном, со скромным изяществом выступая позади Антонио. Собственно говоря, это было против правил, но Антонио сам позвал его. Дабы не уронить своего достоинства *sobre-saliente*, он не бросал обратно в публику шляпы и не подбирал сигары. Мало кто, глядя на него, усомнился бы, что в случае необходимости он, Эль Пекас, с успехом заменил бы матадора. Достаточно было посмотреть на его честное, открытое лицо и на его осанку. Во всем цирке только один Луис Мигель заметил, что у Хотча нет косички. Если бы он вышел против быка, отсутствие косички заметили бы разве что в самом начале боя. И то подумали бы, что он лишился ее, когда впервые был поднят на рога.

Мы с Биллом Дэвисом зашли в тесный номер гостиницы, где Антонио и Хотч передевались. Антонио был весь в крови. Мигелильо стягивал с него узкие штаны, длинная льняная рубашка, насквозь пропитанная кровью, прилипла к животу и ляжкам. Он и Хотч по очереди брали воду из кувшина на умывальнике и под душем, откуда она еле-еле капала.

– Присмотрелись, как надо убивать, Пекас? – спросил Антонио.

– Пустячное дело, Пекас, – ответил Хотч. – Могу показать вам хоть сейчас.

– Вы просто великолепны, Антонио, – сказал Антонио Хотчу.

– Вы сами великолепны, Пекас, – сказал Хотч. – Откуда на вас столько крови?

– Вам нравится бой быков? – спросил Антонио Хотча. – Вам нравится быть матадором Антонио?

– Это мое призвание, – ответил Хотч. – У меня нет иного выбора. Все, что я хочу, – это быть великим матадором.

– На вид вы уже – великий матадор. Очень достается рубашкам, Папа, – сказал Антонио, повернувшись ко мне. Мигелильо замачивал рубашку холодной водой в умывальном тазу, прежде чем сунуть ее в корзину с ношеным бельем. Я отдал ему пару спортивных туфель, которые мы привезли из Байонны. Антонио принесли бутылку пива и маленький сэндвич с ветчиной.

– Спроси его, как это случилось, что он занялся боем быков и увлекает ли его это занятие, – сказал мне Антонио.

– Это вышло как-то само собой, – ответил Хотч. – Да, меня это увлекает.

– Какие вам еще матадоры нравятся?

– Все, – ответил Хотч. – Они все мне нравятся.

– Пошлите за фотографом, – сказал Антонио. – Нельзя упускать такой случай.

Он намеревался пообедать в Мадриде, а оттуда вечером выехать в Бильбао, где ему предстояло выступить на следующий день.

Мы условились встретиться в Бильбао, в отеле «Карлтон». Нам было нужно кое-что

доделать в новой машине и выполнить все формальности в автомобильном клубе. Антонио заявил, что несколько не устал. Он чувствует себя превосходно, с удовольствием поспит в машине и предвкушает завтрашний день. Быки ожидаются крупные, рога не будут не подпилены, не оструганы – по всему было видно, что он ничуть не сомневается в успехе. Весь год он находился в блестящей форме и теперь, достигнув вершины, был полон непоколебимой веры в свои силы и в свое бессмертие. Ему хотелось именно сейчас выступить в Бильбао, где самая требовательная во всей Испании публика, где самые крупные быки и где зрители так строги и придирчивы, что их суждение о поединке между двумя матадорами исключит какие-либо разговоры о трюках или махинациях с рогами. Если выступит и Луис Мигель – отлично. Но это опасная затея.

Будь антрепренером Луиса Мигеля по-прежнему его отец – человек умный, рассудительный, понимающий, на чьей стороне преимущество, – а не милейшие братья Мигеля, которые получали десять процентов и от него и от Антонио с каждой корриды, где они выступали вдвоем, он бы никогда не поехал в Бильбао навстречу катастрофе.

Два дня в Бильбао с утра шел дождь, но к началу корриды прояснилось. Арена там хорошо впитывает влагу; те, что ее строили, учитывали особенности местного климата и знали, какой песок брать. Даже на этот раз под ногами было сыро, но не скользко, хотя еще в полдень казалось, что корриду придется отменить из-за дождя. Потом выглянуло солнце, но по небу все время тянулись тучи, и парило так, что трудно было дышать.

Луис Мигель после лечения Тамамеса поправился, но вид у него был тоскливый и озабоченный. Ровно год назад после жестоких страданий умер от рака его отец, и Луис Мигель думал об этом и еще о многом другом. Он держался с изысканной учтивостью, как всегда, но невзгоды укротили его. Он знал, что был на волоске от смерти во время последнего своего выступления вместе с Антонио. Он знал, что этим палхасским быкам далеко до прежних палхасских быков, которые были лучше миурских, и знал, что Бильбао – не Линарес. Но слишком много складывалось не в его пользу за последнее время, и счастье явно изменило ему. Одно дело – чувствовать себя номером первым в своей профессии и верить в это всеми силами души. И совсем другое, если, выходя на арену, чтобы доказать это, ты каждый раз едва остаешься жив и знаешь, что только твои богатые и могущественные друзья, несколько красивых женщин да Пабло Пикассо, который уже лет двадцать пять не видел боя быков в Испании, сохраняют веру в тебя. Для Луиса Мигеля важнее всего было верить самому. Усомнившиеся вернуться, если веришь сам и можешь подтвердить делом то, во что веришь. Больному, израненному, ему это сейчас было нелегко. Но он пошел на это в надежде, что вновь сможет повторить чудо, сотворенное им в Малаге.

Первый бык Луиса Мигеля выбежал на арену стремительно. Это было красивое животное с хорошими рогами, казавшееся крупнее, чем было на самом деле. Луис Мигель перехватил его плащом и сделал несколько отличных пассив. Его первое китэ было безукоризненным. Казалось, большая нога ничуть ему не мешает, но когда он подошел к барьеру, я увидел у него на лице тоску. Он развертывал бой планомерно и обдуманно и сам вывел быка за белую линию, готовя его к столкновению с пикадорами.

С мулетой он работал почти вплотную к быку, начав с очень недурных пассив правой руки. Чем дальше, тем уверенней он себя чувствовал с быком, и пассивы его становились все лучше и лучше. Я с тревогой следил за его ногами, но все как будто шло хорошо. Он переложил мулету в левую руку и выполнил подряд несколько натурале. Они сделали бы честь любому другому матадору, но это было совсем не то, что в Малаге, и аплодисменты раздавались только в самых дорогих рядах. По требованию публики заиграл оркестр, и Луис Мигель, стоя вполоборота к быку, сделал несколько пассив из тех, что были введены в моду Манолето, причем сделал очень хорошо. Потом двумя-тремя плавными взмахами мулеты он заставил быка остановиться с поднятой головой, словно под действием гипнотической силы, и опустился перед ним на колени в «свободной зоне» – десятифутовом пространстве, которое не попадает в поле зрения быка, если тот стоит, задрав голову.

Одним зрителям это понравилось, другим нет. Антонио успел уже у многих отбить вкус к эффектам такого рода. Луис Мигель легко вскочил, не опираясь на древко мулеты, – нога не подвела. Губы его были поджаты, на лице читалось разочарование. Он убил быка прямым, уверенным ударом. Острие шпаги вонзилось в верхнюю точку, но у быка вдруг потекла из пасти кровь. Он сразу свалился на песок, и уха Мигель не получил. На мой взгляд, удар был нанесен точно, а что касается крови, то это часто бывает, если задета артерия. Хлопали много, и Мигель выходил раскланиваться. Он был мрачен и не улыбался. С ногой все обстояло хорошо, должно быть, иначе он бы не рискнул стать на колени. Мы смеялись над лечением ультразвуком, а оно, видно, и в самом деле прекратило воспалительный процесс. Но Мигель утратил былую способность подчинять быка своей воле, и его работе недоставало прежней грации и непринужденности, в нем чувствовалась тоска, которая передавалась и другим. Дело тут было не в ноге. Дело было в чем-то гораздо более серьезном.

Выбежал бык Антонио. Он был почти совершенно такой же, как бык Луиса Мигеля, и по росту, и по всем статьям. Началась та исполненная красоты и достоинства работа с плащом, которая изумляла нас весь сезон, и по ропоту толпы, перемежавшемуся внезапными выкриками, можно было угадать, что ею овладевает прежний восторг. С лошадьми бык сразу обнаружил свою прыть, но, когда он кинулся вторично, один из братьев Салас ткнул его копьем туда, куда уже раз вонзился острый наконечник. Это вышло невольно, просто пикадор метил каждый раз в наиболее уязвимое место. Но Антонио пришел в ярость, потому что оплошность грозила штрафом, и он специально предупреждал своих пикадоров, чтобы они были поосторожнее.

После первой же пары бандерилей Антонио испросил разрешения перейти к работе с мулетой. На расстоянии бык хорошо видел, и Антонио подманил его к себе, а потом плавными, рассчитанными до секунды движениями руки, держащей мулету, выполнил ряд медленных, безукоризненно четких натурале. Закончил он пассом, при котором рога прошли у самой его груди, и я увидел, как красный квадрат мулеты взвился над рогами и плавно скользнул вдоль шеи, загривка, спины и хвоста быка.

Убивая, Антонио вонзил шпагу под прямым углом, и она вошла по самый эфес. Удар пришелся всего лишь дюйма на полтора левее верхней точки, и, подняв правую руку победным жестом, Антонио замер перед быком, не сводя с него своих черных цыганских глаз; победный жест, горделивый изгиб тела – все это было рассчитано на толпу, но глаза следили за быком пытливо, как глаза хирурга, – и вот задние ноги быка дрогнули, потом вся туша стала оседать, и, наконец, он, мертвый, рухнул на песок.

Тогда Антонио обернулся к толпе, и во взгляде его уже не было пытливости хирурга, а лицо светилось радостью удовлетворения. Матадор никогда не видит создаваемого им шедевра. Он не может в нем ничего исправить, как художник или писатель. Не может услышать его, как музыкант. Он полагается только на свое чувство и на реакцию публики. Но если он чувствует и знает, что его работа хороша, это чувство настолько захватывает его, что все остальное перестает существовать. Он весь подчинен этому чувству, хотя в то же время подчиняет его себе, и чем ближе к быку он работает, чем размеренней и медлительней его движения в своей законченной классической красоте, тем больше опасность. Но по мере того, как разнообразятся и множатся образцы его мастерства, крепнет его уверенность. Творя свой шедевр, он помнит, что все зависит от умения и от того, насколько он знает животное, с которым имеет дело. Но он не должен подавать виду, что помнит об этом, иначе скажут, что он работает без огня. Об Антонио этого сказать нельзя было, и зрители были покорены им все до одного. Он смотрел на них скромно, но без ложного смирения, признавая свою победу, и, когда он обходил арену с бычьим ухом в руках и жители Бильбао, города, который он любил, ряд за рядом вставали при его приближении, он чувствовал, что все сердца принадлежат ему, и был счастлив этим. Я оглянулся на Мигеля, смотревшего из-за барьера куда-то в пустоту, и спросил себя: будет ли этот день решающим или придется ждать еще?

Второй бык Луиса Мигеля был черный, немного крупнее предыдущего. Рога у него

были хорошие, и выбежал он напористо и бодро. Луис Мигель подошел к нему с плащом, сделал четыре медленных, унылых вероники и закончил полувероникой, обводя быка вокруг себя. Черный бык медленно и покорно кружил за плащом, мрачный и унылый, как траурная повязка, которую Луис Мигель целый год носил на рукаве в память отца.

Но Луис Мигель не дал унынию одолеть себя. Он всегда отлично владел стратегией боя и умел рассчитывать в нем каждый шаг, – это составляло одно из его главных достоинств. Он намерен был выжать из своего быка все, что можно, а потому он увел его плащом и заставил остановиться в том именно месте, откуда бык, по его замыслу, должен был кинуться на пикадора. Пикадор выехал вперед, держа копьё наготове, и бык кинулся. Пикадор нанес удар в тот самый момент, когда бык боднул лошадь, потом он сделал движение, словно хотел выровнять копьё, но тут бык кинулся снова, и Луис Мигель увел его плащом и опять сделал четыре медленных, унылых вероники с тем же торжественным финалом.

Потом он привел быка на прежнее место, чтобы тот повторил атаку. Это один из самых обычных приемов в корриде, и Луис Мигель применял его тысячи раз. Резкий взмах плаща должен был заставить быка замереть, как только его передние ноги окажутся за линией круга. Но плащ не остановил быка, и, когда он кинулся, Мигель, стоявший лицом к нему и спиной к лошади и всаднику, уже занесшему копьё для удара, очутился у него на пути, и бык всадил левый рог Луису Мигелю в бедро и с силой швырнул его в сторону лошади. Пикадор вонзил копьё, прежде чем Луис Мигель успел упасть. Бык рванулся вперед и, когда Луис Мигель уже лежал на песке, боднул его еще несколько раз. Доминго, брат Луиса, перепрыгнул через барьер, спеша оттащить его. Антонио и Хаиме Остос оба уже бежали к нему со своими плащами, чтобы увести быка. Все понимали, что Луис Мигель ранен тяжело и опасно, что, вероятно, у него задета брюшная полость. Многие сочли рану смертельной. И это, конечно, было бы так, если бы рог, пройдя насквозь, пригвоздил Луиса Мигеля к стеганой попоне, покрывавшей спину лошади. Когда его несли по кальехену, лицо у него было совсем серое, он кусал губы и руками зажимал низ живота.

Полиция никого не выпускала в проход, и с наших мест в первом ряду было невозможно пробраться к лазарету, поэтому я остался и смотрел, как Антонио продолжает работу с быком Мигеля.

Как правило, если матадору нанесена такая серьезная, быть может, даже смертельная рана, другой матадор, ставший на его место, старается сократить бой и убить быка как можно скорее. Но Антонио на это не пошел. Бык был хороший, и он не желал, чтобы такой бык пропал зря. Публика заплатила деньги, чтобы посмотреть Мигеля. Нелепый случай вывел его из строя. Но его публика осталась. Что ж, если у нее отняли Домингина, пусть получает Ордоньеса.

Хочу думать, что он рассуждал примерно так, – а может быть, просто считал, что исполняет свой долг перед Луисом Мигелем. Во всяком случае, еще не зная точно положения раненого, зная только, что рог вошел в правое бедро и, по-видимому, глубоко, он выступил на арену спокойный и хладнокровный, как всегда, и работал с быком, только что ранившим Мигеля, в той же красивой, исполненной достоинства манере, в какой провел свой предыдущий бой. Раздались аплодисменты, заиграла музыка, Антонио увлекся и с каждым пассажем подпускал быка ближе и ближе. Наконец он сделал великолепную фаэну, и, не дав быку опомниться, нанес смертельный удар, вонзив шпагу дюйма на два в сторону от самой высокой точки. Толпа бурно аплодировала. Но он знал, что поторопился, и потому не испытывал ни удовлетворения, ни гордости. Придется исправить дело в бою со следующим быком, думал он.

Из лазарета дошла весть, что рог угодил Мигелю в пах как раз на месте старой, валенсийской раны. Брюшная полость была задета, но повреждены ли внутренние органы – еще не было известно. Луису Мигелю дали наркоз и приступили к операции.

Между тем на арене появился бык Антонио. Он был крупнее всех прежних. У него были хорошие рога, но он не казался особенно воинственным и бежал неторопливой рысцой,

поглядывая по сторонам с довольно равнодушным видом. Как только Хуан взмахнул перед ним плащом, он отпрянул вбок, перескочил через барьер и стал метаться в проходе, пока, нырнув в открытые ворота, не очутился опять на арене. Но с появлением пикадоров он обнаружил неожиданную прыть и яростно кидался на лошадей. Пикадоры хорошо работали, и, когда бык, упираясь копытами в песок, упрямо лез вперед, стальное острие копья глубоко вонзилось в него. Антонио удалось отвлечь его плащом, и дальше он работал с ним так, словно это был обыкновенный бык, без всяких изъяснов. Он до миллиметра рассчитывал каждый его наскок и действовал плащом на основе этого расчета, твердо и неуклонно овладевая положением. Но публика видела лишь обычные плавные взмахи плаща, совершаемые как по волшебству, без всяких усилий. Когда Хаиме перехватил быка своим плащом, бык рассвирепел, и стало ясно, что если он выйдет из подчинения, то может быть очень опасным. Но Антонио не давал ему выйти из подчинения, все время учил его и школил.

Когда дело дошло до бандериллий, бык в полной мере показал себя трудным и опасным противником, и я весь взмок от нетерпеливого ожидания, когда наконец Антонио возьмется за мулету и шпагу. Антонио и сам был в нетерпении. Я это видел, хотя с моего места мне не были слышны отрывистые замечания, которые он бросал Ферреру и Хони.

Бык нравился ему, несмотря на то, как он встречал бандерильи, и, когда Антонио встал против него с мулетой, он знал об этом быке все, что ему нужно было знать. Он подманил его пассом справа и, не отрывая ног от песка арены, трижды заставил тяжелую черную тушу промчаться мимо, почти касаясь его груди. Ни один матадор не мог бы рассчитывать на хорошую фаэну с таким быком, но Антонио умел предвидеть каждое движение животного и твердо знал, что делать, чтобы преодолеть его нерешительность и нервозность.

Под звуки музыки, под гул толпы, восторженными криками встречавшей каждый новый пасс и взрывом аплодисментов откликавшейся на его завершения, Антонио проделал с этим грузным, беспокойным, неподатливым и, в сущности, никчемным животным всю серию безукоризненных по красоте классических приемов, возможных только с первоклассным быком. Он пропускал его мимо себя так близко, что даже просвета не оставалось между рогами и шитьем куртки. Он подждал его, не пытаясь умерить его разбег, и по мановению руки, державшей красный квадрат ткани, тяжелая туша быка и гибкое, стройное человеческое тело сплелись в сложной фигуре движения, подчиненные единому ритму. Еще мгновение, и черная туша уже снова рвалась вперед, выставив рога, несущие смерть, – заключительная фигура, самая опасная из всех. Видя, как он снова и снова повторяет это паса де печо, я понял его замысел. Все это было точно великолепная музыка, точно поэма о быке, которую он писал у нас на глазах; но это еще не был конец. Он готовил быка, намереваясь убить его способом ресибиендо.

Только это одно ему и оставалось сделать в Бильбао. Кроме этого, он сделал уже все. С плащом он превзошел то, что прежде казалось мне вершиной искусства и вдохновения. С мулетой работал так умно и красиво, как никто еще не работал до него. Убил один раз хорошо, другой – неплохо, третий – не слишком хорошо. Теперь, после этой, последней, фаэны, заставившей публику почувствовать, что время остановилось и в мире нет больше ничего, кроме зрелища на арене, ему оставалось лишь одно: с тем же мастерством убить.

Наиболее искусный способ убить быка – это так называемое ресибиендо. Этот способ самый древний, самый опасный и самый красивый, потому что матадор не бросается на быка, а, стоя на месте, вызывает его и, когда бык кинется, левой рукой подставляет ему мулету, а правой вонзает шпагу в загривок. Опасен он потому, что, если матадор не сумеет приковать внимание быка к мулете, бык может поднять голову и нанести рану в грудь. При обычном способе, когда матадор бросается на быка, то в случае, если бык поднимет голову, рог вонзится в правую ляжку. Для безукоризненного ресибиендо требуется, чтобы матадор ждал до тех пор, когда бык окажется так близко, что еще дюйм или два – и рог достанет его. Если он откинется назад или слишком далеко отведет мулету, шпага войдет боком.

«Жди, пока он вот-вот не достанет тебя» – основное правило ресибиендо. Не часто

встречается матадор, у которого на это и выдержки хватает, и левая рука достаточно сильна, чтобы безошибочно действовать низко опущенной мулетой. В основе своей этот прием тот же, что и паса де печо, и потому Антонио снова и снова пропускал быка мимо своей груди, чтобы удостовериться, что бык не выдохся, а значит, послушно будет следовать за мулетой, не поднимет голову и не остановится вдруг в нерешимости. Когда Антонио увидел, что бык ведет себя как должно, он поставил его против себя и приготовился нанести удар.

Во время долгих ночных переездов мы много говорили об этом способе и решили, что для Антонио, с его сильной левой рукой, в самом приеме нет ничего трудного. Вся трудность заключается в том, что этот прием очень опасен. Малейший промах, и матадор рискует получить удар в грудь, подобный удару кинжала, причем кинжал был бы толщиной с палку от метлы, а удар нанесен со всей силой шейных мышц быка, которой достаточно для того, чтобы опрокинуть лошадь или расколоть двухдюймовые доски барьера. Иногда концы рогов такие острые, что, словно бритвой, разрезают шелковую ткань плаща. Иногда концы рогов расщеплены, и любая рана, нанесенная таким рогом, может оказаться шириной с ладонь. Ничего в этом нет трудного, если можешь спокойно ждать приближения наставленных прямо на тебя рогов, зная, что ты должен ждать до тех пор, пока не останется никаких сомнений, что если бык, почувствовав, как в него входит стальной клинок, поднимет голову, то рог ударит тебя в грудь. Решительно ничего трудного, говорили мы в один голос.

Итак, Антонио подтянулся, нацелился шпагой и, выставив левое колено, поманил быка мулетой. Огромное животное кинулось, шпага натолкнулась на кость между его лопатками, Антонио нажал на эфес, шпага согнулась, Антонио отделился от быка, взмахнул мулетой, и бык проскочил мимо.

Никто в наше время не отваживается повторить ресибендо. Это искусство ушло в прошлое вместе с Педро Ромеро, великим тореро из Ронды, который жил двести лет тому назад. Но Антонио решил добиваться своего, пока бык будет в состоянии нападать. Поэтому он опять поставил быка против себя, нацелился, опять поманил его, выставив колено и взмахнув мулетой, опять подождал до той секунды, когда, подними бык голову, рог вонзился бы ему в грудь. Опять шпага натолкнулась на кость, опять Антонио отделился от быка и опять взмахом мулеты отвел от себя рога.

Теперь бык стал медлительней, но Антонио знал, что еще один раз он может заставить его кинуться. Он обязан был знать это, но, кроме него, никто этого не знал, и зрители, глядя на Антонио, не верили своим глазам. Для того чтобы закончить бой с триумфом, Антонио достаточно было бы, не подвергая себя чрезмерной опасности, нанести обыкновенный удар шпагой. Но Антонио словно держал ответ за всю свою жизнь, за все случаи, когда он, нанося удар, позволял себе ту или иную поблажку; а таких случаев было немало. Этому быку он дважды подставлял грудь, и ничто не мешало быку всадить в нее рога, а сейчас подставит в третий раз. Он мог уже дважды ударить шпагой чуть пониже или в сторону, и никто не осудил бы его, потому что при ресибендо это вполне допустимо. Он знал место, куда шпага входит легко и свободно, а удар все же считается хорошим, во всяком случае, отнюдь не плохим. За такие удары большей частью и награждают ухом в современном бое быков. Но сегодня – к черту это. Сегодня он расплатится за каждую такую поблажку.

Он поставил быка против себя, и в цирке стало так тихо, что я услышал, как позади меня шелкнул веер. Антонио нацелился, согнул левое колено, поманил быка мулетой – бык кинулся, и в то самое мгновение, когда рога его, подними он голову, ранили бы Антонио в грудь, острое шпаги вошло в загривок быка, и бык рванулся вперед, следуя за красной мулетой, но стальной клинок под ладонью Антонио уже медленно входил в самую высокую точку между лопатками быка. Ноги Антонио не сдвинулись с места, и теперь он слился воедино с быком, и, когда рука его легла на черный загривок, рог уже миновал его грудь и бык был мертв. Но он этого еще не знал и смотрел на Антонио, который стоял перед ним, подняв руку, – не с торжеством, а словно в прощальном жесте. Я знал, о чем Антонио думает, но в первую минуту я плохо видел его лицо. Бык тоже не мог видеть его лицо, но это было очень странное, печальное лицо – очень странное для матадора, потому что оно

выражало сострадание, а состраданию нет места на арене. Теперь бык уже понял, что он мертв, ноги у него подогнулись, глаза остекленели, и он рухнул на песок.

Так кончился в тот год поединок Антонио с Луисом Мигелем. Для тех, кто присутствовал на корриде в Бильбао, подлинного соперничества между ними уже не существовало. Вопрос был решен. Оно могло возобновиться, но чисто формально. На бумаге, или ради денег, или чтобы привлечь публику в латиноамериканских странах. Но не было больше вопроса о превосходстве для тех, кто видел их на арене, в особенности для тех, кто видел Антонио в Бильбао. Разумеется, можно было предположить, что Антонио превзошел Луиса Мигеля в Бильбао только потому, что у Мигеля болела нога. Можно было бы даже нажать деньги на этом предположении. Но повторить испытание перед настоящей публикой, на испанской арене, где будут настоящие быки с настоящими рогами, было бы не только опасно, но смертоубийственно. С этим было покончено, и я очень обрадовался, когда из операционной сообщили, что, хотя Луис Мигель ранен тяжело, рог, как и в прошлый раз, не задел внутренних органов.

Не важно, сколько бычьих ушей досталось Антонио. За три боя в Бильбао он получил семь. В городе с более восторженной публикой его наградили бы всем, что только можно отрезать у быка. Важно было то, что он совершил. Никто из матадоров еще не совершал столько за одну ферию в городе, где самая взыскательная в Испании публика, а под его ресибьендо, завершившим последнюю в тот день фазну, которую нельзя ни с чем сравнить, потому что она ни на чью другую не походила ни в прошлом, ни в настоящем, мог бы подписаться сам Педро Ромеро.

В тот же вечер, как только Антонио переоделся, мы поехали проведать Луиса Мигеля. Машину вел Антонио. Он все еще был под впечатлением боя, и мы говорили о его работе и в номере гостиницы, и сидя в машине.

– Откуда ты знал, что у него хватит пороку кинуться во второй и в третий раз?

– Просто знал, – ответил он. – Откуда вообще что-нибудь знаешь?

– Но как ты мог это увидеть?

– Я очень хорошо изучил его.

– Уши?

– Не только уши – все. Я тебя знаю. Ты меня знаешь. Вот так. А ты разве не ждал, что он кинется?

– Конечно, ждал. Но я сидел на трибуне, это очень далеко.

– Всего-то шесть или восемь футов, а кажется, чуть не с милю, – сказал он. – Ты уж извини. Теперь ты до конца сезона всегда будешь в кальехоне со мной. Только в Бильбао это не удалось.

– Я не хочу быть обузой.

– Ты не можешь быть обузой, – сказал он. – Ты мой компаньон. Ну как, ты доволен?

– Не остри. А ты?

– Да, – ответил он. – Во-первых – в Бильбао. Во-вторых – никаких трюков. Sin trucos.

Луис Мигель очень мучился, лежа на своей больничной койке. Рог вошел в еще не зарубцевавшуюся рану, полученную в Валенсии, вспорол шов и проник в брюшную полость. В палате находилось человек шесть, и Луис Мигель, преодолевая боль, был очень любезен со всеми. Его жена и старшая сестра должны были ночью прилететь из Мадрида.

– Мне очень жаль, что я не мог пробраться в лазарет, – сказал я. – Как дела?

– Так себе, Эрнесто, – сказал он очень тихо.

– Маноло вам поможет.

Он ласково улыбнулся.

– Уже помог, – сказал он.

– Может быть, увести всех отсюда?

– Бедняги, – сказал он. – Вы всегда так ловко их уводите. Мне вас доставало.

– Увидимся в Мадриде, – сказал я. – Может быть, если мы уйдем, хоть кто-нибудь из

них догадается уйти тоже.

- Мы так эффектно получаемся все вместе на фотографиях.
- Увидимся в отеле «Рубер», – сказал я. «Рубер» – мадридская больница.
- Я оставил номер за собой, – сказал Луис Мигель.

Примечания

1

Один на один (исп.).

2

Дескабельо – кинжал, которым поражают спинной мозг быка.

3

Да здравствует Франция и жареный картофель (франц.).

4

Бурладеро – загородка, где может укрыться матадор.

5

Премного благодарен (исп.).

6

Желаю удачи (исп.).